

ЕЛИЗАВЕТА ГЕТТИНГЕР

НЕ ХОДИТЕ НА ЧЁРНУЮ ГОРКУ!

Елизавета Геттингер

Не ходите на Черную горку!

«Автор»

2026

Геттингер Е.

Не ходите на Черную горку! / Е. Геттингер — «Автор», 2026

Полувековая история немецкой семьи, ставшей заложницей великих потрясений своей эпохи. Политические гонения, клеймо «врагов народа», голод, трудармия, депортация становятся лишь первым кругом ада: впереди - борьба за выживание на чужбине, спецпоселение и невыносимый труд. В книге трагически переплетаются судьбы народов, насильственно вырванных со своей земли. Две сломанные ветви разных диаспор, объединенные общей болью потери родины, находят друг в друге опору. Это тяжелый, честный и светлый роман о том, что человеческое сердце способно пережить потерю всего - дома, имени, Родины - но способно сохранить главное. Книга о цене памяти, о силе корней, которые держат человека на плаву даже тогда, когда его мир разрушен до основания, и о любви, оказавшейся сильнее любых границ, национальной ненависти и самой смерти.

© Геттингер Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	33
-----------------------------------	----

Елизавета Геттингер

Не ходите на Черную горку!

Посвящается моей тете Ирме

Часть 1

Разноцветные ленты-бантики заботливо, с любованием повязывала на беленькие, жиденькие волосики своей старшей дочери Лидочки мать Елизавета. Ирма была хоть и младше и ниже ростом, а вот мал, да удал! Ирма собиралась самостоятельно. И косу свою чёрную, густую сама заплела в калач, как у мамы. Серые повседневные платица из сарпинки, дешёвого и доступного материала сегодня сменились на шелковые блузочки, яркие юбочки, нарядные фартуки и белые чулочки, пошитые мамой. Остерн!¹

Отец девочек, муж Елизаветы – Андрей, нервно курил папиросу, стоя за воротами двора, напротив окна комнаты, единственного выходившего на хутор, в которой приводила себя в порядок жена. Девочки, готовые к празднику радостно и громко бегали по дому догоняя друг дружку. Елизавета, заметив в окне мелькнувший силуэт своего старшего брата Александра, заторопилась на улицу.

– Сандер! Сандер! – звала она.

Андрей бросил окурок на землю и растер его подошвой сапога. Елизавета выбежала на улицу с растрепанной косой и поняв, что никакого Сандера и близко нет, загрустила. Андрей, скрыв от жены смятение, которое он ощущал еще минуту назад, радостно обнял жену.

– Готовы, девочки? – ласково спросил он, поцеловав вкусно пахнущие волосы.

Она, задрав голову и царапнув свой нежный лоб об его жесткую щетину, мило улыбнулась.

На хутор пришла ранняя весна. Дни стояли теплые, а вечерами еще было прохладно. На деревьях уже вовсю были маленькие листочки, а на земле, сквозь прошлогоднюю листву пробивалась трава. Утром, в церковь со всех концов хутора и с других сел стекались люди. И стар и млад торопились на пасхальную службу. Андрею, как председателю колхоза пастором было предложено вместе с семьей занять места на скамье в первом ряду, около него. Но Андрей, усадив своих девочек в первый ряд, сам в этот раз пожелал остаться у самого выхода, мельком слушая проповедь и наблюдая за жителями и гостями хутора со стороны. Не до молитвы было ему.

В этот светлый праздник хутор гудел, гулял допоздна. Девушки в ярких передниках и с лентами в косах становились в круг, неторопливо шагали вправо, склоняя головы, словно несли в себе тихую тайну или берегли воспоминание о чем-то важном и трепетном. Парни стояли в сторонке, притопывали в такт и переглядывались, пока гармонь не брала веселую ноту – тогда один за другим они подходили к кругу, легко поклонившись, и приглашали девушек. Те отвечали сдержанной улыбкой и, вложив ладонь в протянутую руку, выходили из круга. Пары становились друг напротив друга и, звонко притопнув, начинали галоп – веселый, с подскоками и поворотами, будто птицы взлетали над зеленым лугом. Они танцевали *Fogelberbaum*.² Отовсюду лилась задорная песня, звонко переливался аккордеон, люди смеялись и ликовали, встречая весну, встречая обновление мира, празднуя торжество жизни над смертью, добра и света над злом и тьмой...

¹ *Ostern* – Пасха (нем.)

² *Fogelberbaum* – (нем.) – Рябина. Народный танец Поволжских немцев.

Неугомонный лай собак разбудил Ирму. Любопытная семилетняя девчушка спавшая обычно у стенки, бесшумно перелезла через спящую старшую сестру и также бесшумно спрыгнула с кровати. Засунув свои худенькие ножки в первые попавшиеся галоши, она хотела было отворить засов и выйти во двор, но дверь вместе с засовом выломали и в дом ворвались трое мужчин. Схватив за шкирку ночной сорочки девчонку, попытавшуюся бежать к родителям, двое мужчин освещая мощным фонарем весь дом, стащив Андрея за ноги с постели и оглушив рукояткой пистолета протащили его по деревянному полу через весь дом на улицу. Ирма, заливаясь криком звала не успевшую еще опомниться ото сна мать...

Глава 1

...От двадцатидворной Старошвиндовки, хутора, расположившегося на правом берегу Иловля³, простирались раздольные казачьи степи. Не только степь раздольна, но и душа казака. В стародавние времена на поволжских землях обитали донские казаки, позднее земли эти обживались уже немецкими колонистами. На Старошвиндовку, помимо двадцати дворов, приходилась одна единственная кирха⁴; она же церковь, она же и школа, поставленная благодаря усилию жителей хутора. Да, надо сказать, что хутор этот был населен сплошь лютеранами⁵. В других поселениях дела обстояли и того хуже; бывало и на землю в сорок дворов не полагалось и церквушки. Поэтому любой лютеранин мог спокойно перебраться через реку на соседний хутор, чтобы в церкви, должным образом совершить молитву Господню.

Поволжские «немцы», как мы их сейчас называем, были глубоко верующей народностью. Сами же себя они так не называли, и само слово «немец» было чуждо для них. Католик? – Да. Лютеранин? – Да. Меннонит?⁶ – Пожалуй. Здесь важно отметить, что хоть ты и немец, но если относишь себя к лютеранам – то еще не каждый немец будет знаться с тобой, особенно если тот – католик или того хуже – менонит. Вот вам и вера во Вседержителя. Махатма Ганди говорил: «У Бога нет религии». И переводчик в разговоре с Богом не нужен. Но где Ганди, а где семья Гедингер, которая с конца восемнадцатого века крепко пустила свои корни в земли Поволжья...

По замерзшей реке медленно тянулась упряжка ездовых собак. Немолодой мужчина могучего телосложения, закутанный в армяк, хоть по виду его нельзя было сказать о его молодости или не молодости, нервно, с грозным взглядом погонял собак крича им:

– Los!⁷

Непослушные густые волосы, торчащие во все стороны, пышные бакенбарды, заросшие щеки, густая борода и даже ресницы его, выглядывавшие из-под козырька низко надвинутого на лоб картуза обледенели и покрылись инеем. От белизны искрящегося на солнце снега болели глаза. От злущего холода и возбуждения у мужчины постукивали зубы. Тонкие, нарощенные рукавицы не спасали от колючего мороза. Он сидел в санях на ящике, в котором лежал окоченевший задний говяжий отруб. Собаки были до того худы, что мускулы их проступали словно веревки. Тяжело было им тащить такой груз, но выбирать было не из чего, иного транспорта на

³ Иловля́ — река в европейской части России, левый приток Дона. Иловля протекает в Ольховском районе Волгоградской области.

⁴ Кирха - германизм, обычно используется для обозначения лютеранских культовых сооружений. Оригинальное немецкое значение — церковь ...

⁵ Лютеране - одно из наиболее старых протестантских течений в христианстве. Основные принципы вероучения лютеранской церкви были сформулированы в ходе борьбы Мартина Лютера и его сподвижников против злоупотреблений Римско-католической церкви.

⁶ Меннонитство - В основе вероучения меннонитов лежат идеи неприменения силы и непротивленчества: меннониты по своим религиозным убеждениям отказываются брать в руки оружие

⁷ Ну давай-те же! (нем.)

хуторе не нашлось. Жестокий холод повлек за собой массовый падеж скота. Хозяин лишился лошади – друга и кормильца семьи. Да, зима 1911 года выдалась шибко суровая. Все долгие месяцы холода не давали спуска. Река замерзла накрепко. Отдалившись от хутора, по дороге перестали попадаться следы людей. Ни птиц, ни животных было не видать. Попрятались. Природа замерла.

Отправившись ранним утром, мужчина добрался до близлежащего русского села только к вечеру, чудом преодолев расстояние в двадцать верст по такому-то морозу... В каждом втором доме попадались заколоченные окна с обледенелым пустым подворьем. И тишина стояла такая, что огромным эхом по селу раздавались звуки хруста от подошв идущего по снегу мужчины, оставляя внушительных размеров следы от валенок. Кое-где в окнах брезжил свет. Пройдя немного вглубь мимо пустых домов, одиноких амбаров да сараев, он вдруг остановился. Собака учуяла человека и громко залаяв вовсе не испугала мужчину. С другого конца на лай отозвались запряженные собаки.

– Кто там? – испуганный писклявый голос раздался из сеней. – Кого тебе надоть? Сбренил по морозцу шарохаться, окаянный? – из приоткрытой двери в облаке морозного пара выросла на пороге маленькая, шупленькая старушка, со множеством мелких морщинок на лице. Собака успокоилась. – Иль опять за самогонкой?

Мужчина, плохо понимающий русскую речь, отпер замёрзший засов калитки и вошел во двор. Собака заскулила, покорно забравшись в свою будку, обильно устеленную соломой.

– Давай сюда, – прикрикнула старушка, приглашая в избу непрошенного гостя.

Мужчина, приблизившись к крыльцу накрыл своей тенью старушку. Старушка обомлела и забежала в сени. Она зажгла лучину и осветила ей комнату. На деревянных сундуках, отвернувшись к стенке спал молоденький парнишка, внук. А потом посветила на гостя.

– Ты откудова тут? Что у тебя в суме? – допытывалась старуха. – Пошто молчишь как рыба?

Мужчина протянул старухе узел, в котором было замотано мясо.

– Чево эта ты мне суешь? – любопытство перебороло страх, и она приняла у гостя узел позвав на помощь внука.

Парнишка приободрился, размотав ледяной сверток и увидев перед собой мясо.

– Ишь ты, мясо приволок. Надоть-то тебе чаво? – в радостном недоумении спрашивала гостя старушка.

– Помочь, помочь, – объяснял мужчина.

– Помощи хочешь?

Мужчина кивнул.

– Ах ты, господи, околел весь, – маяча внуку, чтобы тот нес бутылку, старушка усаживала гостя к печи.

– Помочь, помочь, – повторял мужчина.

– Обожди ты с помочью, заладил. На вон, хлебни, сугреешься, – протянув гостю кружку, сказала она.

В нос ударил резкий, ядреный запах самогона. Мужчина, поморщившись отвернулся от кружки.

– Ишь ты, нотный⁸ какой, – возмутилась старушка. – Чудак-человек. За так дают, а он нос воротит.

– Помочь, – повторил гость.

Старушка махнула пол кружки сама, обомлела и ее вдруг осенило.

– Ба... не русский штоль?

⁸ Нотный человек — это человек, который живет по правилам, как по нотам, то есть не совершает спонтанных поступков, все у него как по инструкции, никаких импровизаций.

Мужчина кивнул.

– Помочь, – твердил он. – Майн фрау...., – обрисовав руками на себе большой живот с усилием говорил он.

– Э-э-э, нет, мил человек. Я своё поделом отсидела⁹. Так мне и надоть. Грех на душу не приму боле, – посерьезнев сказала она.

Внучок похотывал с нелепого гостя.

– Помочь жызнь, – выписывая, изображая в воздухе грубыми руками движения, какие происходят при родах, твердил он.

Старушка многозначительно посмотрела на мужчину.

– Это ж кому в такую морозяку родить приспичило? – Отогрелся малёха? – спросила она.

– Бориска, а ну вежи лошадь из денника, собирай, – приказала она внуку и засобиравалась сама.

– Бабушь, он же нерусь. Чужак. Куда ты лезешь? – лентяй сказал Бориска.

– Не дерзи бабке, делай что говорено, – уверенно ответила старуха, хоть немного и трусила.

Ничего в лесу не видно. Только шорохи, тонкий писк да хруст проминаемого от телеги снега доносятся. В жарко натопленной горнице небольшого бревенчатого дома, окружив кровать с минуты на минуту готовой разродиться немолодой женщины, стояли ее взрослый восемнадцатилетний сын и его пятнадцатилетняя сестра, не зная, как помочь матери. Они с нетерпением ждали отца, отправившегося с утра за помощью. Женщина смиренно лежала на кровати вся в поту, воды давно отошли, но схваток еще не было. Она будто приказала себе: «не рожать!», пока не придет ее муж.

– Маля, не дергайся, это просто выюга, – по-немецки говорил старший брат, видя, как сестра вздрагивает от каждого шороха. – Маля! – вскрикнул он на нервах, когда сестра в очередной раз резко подпрыгнула на месте.

На этот раз она не ошиблась. Дверь распахнулась и в морозном облаке появился отец, а за ним никому незнакомая старушка.

– Мать честная, это тебе что-ль рожать удумалось? – заохала старуха, подойдя к кровати.

Никто не понимал, что она говорит своим писклявым старческим голосом.

– Помочь, – суется повторил хозяин дома.

Бориска, ждавший бабушку в темных сенях, был побежден сном. Примостившись на ящиках, накрытых колючей соломой, он беззаботно проспал до самого утра, пока сладкий младенческий плач не разбудил его.

– Выпить надоть, – только что приняв роды у немолодой немки, радостно сказала старушка. Достав из своей корзинки бутылку, прямо с горла, не церемонясь она осушила оставшийся на дне напиток. – Прямо молодость перед глазами пронеслась, – едва не плача, пропищала она.

Хозяин дома бережно пододвинул старухе некрашенный табурет, еще пахнувший свежестью леса. – Я жеш сколько жизней загубила то... А теперича видать Господь послал мне случай этот вот, чтоб перед отходом то своим искупить я могла ...

Глава семьи Андреас Гедингер, его сын Сандер, и дочь Амалия диковато, но с благодарностью смотрели на старуху. Размочив немцам и оставив им дальнейшие указания, старуха с внуком отправились восвояси. Хозяин дома, накормил лошадь, собрал им в дорогу щедрый гостинец в знак благодарности, но старуха ни в какую брать его не соглашалась, лишь начала неустанно крестить себя и что-то радостно невнятно лепетать.

– Как нарек то дочку? – спросила она напоследок, уже усевшись в сани.

Хозяин догадался, о чем спросила старуха и ответил:

⁹ Здесь имеется ввиду, что за аборты в дореволюционной России полагались заключения или каторжные работы.

– Элизабэт.

– Ох и жизнь будет у нее, вот как зимка эта.

Глава 2

Лечиться хуторянам приходилось исключительно верой и народными средствами. Супруга Андреаса – Софи знала толк в травах и кореньях. Вот, к примеру головную боль она снимала отваром из травы пулавки, втирая его в голову; а зубную, дав пожевать больному свежих цветков душицы. Глаза лечила отваром зверобоя, а желудок – укропом. Воспаления разные лечила лакричным чаем, который вдоволь рос у озера. Не было и в соседних поселениях лекаря, точнее сказать если и бывали такие, так кто эмигрировал давно, кто помер, а кто и вовсе отказывался помогать по вере своей. Нелегко пришлось Андреасу в тот день, выбора у него другого не было. Сунулся на соседний хутор, отказ получил, потому как не католик...

Давно на хуторе пополнения не было, старики в основном доживали свой век. После принятия в 1870 году закона о повсеместной русификации, родители Андреаса не смогли привыкнуть к новым реалиям и оставив дом, хозяйство и землю на единственного сына, эмигрировали в Америку. Они, и большая часть населения хутора и соседних колоний. Андреас, будучи пылким юношей не понимал, как возможно бросить свой дом, который построил сам, бросить свою землю, которая взрастила тебя и убежать в неизвестность. На что отец ему отвечал:

– Zum umlernen ist es zu spät¹⁰.

А Андреас говорил в ответ:

– Вы всё суетитесь, ищите места в жизни, а я вот родился в степи и буду жить в степи сколько судьбе угодно, как пас скот, так и буду пасти.

Раз в квартал молодая семья Андреаса получала посылку из Америки: заграничные продукты, игрушки внукам и красивые наряды, которые Софи прятала далеко в сундук, боясь показаться в них перед соседями. И без красивых нарядов находили люди повод пустить недобрый слух о семье. Ведь глава семьи Андреас Гедингер считался на хуторе зажиточным крестьянином. Кто-то скажет, что это труд всей жизни, а кто-то подумает, что за богатством скрывается нечто большее. Но никто не хотел замечать, как каждое утро Андреас выходил на поле, теряя здоровье, и как Софи, даже пряча свои новые платья, чувствовала под взглядом соседей тяжесть и неуверенность. Отец часто писал сыну, интересуясь его делами и в каждом письме просил сына все бросить и приехать к ним... Проводив старуху, Андреас первым делом подумал об отце, как сообщить ему, что у них родилась еще одна внучка и как они удивятся этому событию. Представил, как напишет ему в письме, как обычно, сдержанно и просто, без лишней сентиментальности, но сердце его вдруг наполнилось теми старыми, знакомыми чувствами: желанием, чтобы отец гордился и переживал с ним все важные моменты жизни, несмотря на расстояние и годы.

Шло время, девочка росла на радость родителям. Соседи недоумевали, говорили охая: «Старики совсем из ума выжили, под старость лет дитё родили, когда ж оно у вас вырастет?» И старшие дети подросли и покинули отчий дом каждый обзаведясь своей семьей. Сандеру отец помог поставить свой собственный дом, а позднее Амалия с мужем, не чувствуя за собой отцовского патриотизма, накануне Первой мировой уехали к деду и бабке в Америку.

Поскольку ребятишек на хуторе кроме маленькой Элизабэт больше не было, единственной ее подружкой была швейная машинка, купленная отцом в городе на ярмарке. В летнее время она помогала отцу по хозяйству, вместе пасти скот на лугах, где свежий ветер ласкал кожу и где можно было часами наблюдать за облаками, скользящими по небу; попутно собирала для матери травы, а долгими зимними вечерами, когда за окнами завывал мороз, и все

¹⁰ Слишком поздно переучиваться (нем.)

вокруг стихало, мама сидела рядом с ней, тихо шепча, как правильно управляться с машинкой и как сделать каждый шов ровным и аккуратным. Именно тогда Лиза научилась терпению, которое будет сопровождать ее всю жизнь. Мама учила ее шитью. Уже в пять лет Лиза сшила себе свой первый фартучек.

Жизнь в Поволжье в последние годы совсем не сахар стала. Из-за войны на немцев устраивались гонения. Народ молился за смену власти, веря, что это принесет долгожданный мир. И так оно и случилось – власть перешла к Советам, но вместе с переменами пришла и новая тревога. Все вокруг стремительно менялось, и теперь отцу часто приходилось ездить в райцентр по своим крестьянским делам, за бумажками, которые теперь стали важнее, чем урожай. На хуторе было беспокойно. Лиза всегда с нетерпением ждала возвращения отца, бегая к воротам проверить, не видать ли телеги? Хоть по виду своему Андреас и казался грубым, суровым мужиком, но рядом с маленькой дочкой серьезное лицо его озарялось трепетом и нежностью, а усы его, свисавшие на губы, начинали шевелиться, выдавая беззаботную улыбку. Так уж водится, поздние дети самые любимые. Девочка так сильно любила отца, что болезненно воспринимала все дни его отсутствия дома. Однажды утром, когда отец запрягал лошадь для поездки в райцентр, Лиза подкралась сзади телеги, и чтобы отвлечь внимание отца, бросила камушек в стеклянное окошечко сарайчика, возле которого он стоял. Но отец продолжал работу. Лиза проделала трюк с камушком еще раз. И тут на ее спасение из-за ворот показалась мама, с плетеной корзинкой в руках. Лиза воспользовалась моментом, пока мама передавала отцу корзинку с провиантом и забралась в телегу, ловко зарывшись в солому. Только коса ее осталась на виду, но отец и на это не обратил внимания, так как русые ее волосы были незаметны на соломе. Так и отправились в райцентр. Путь предстоял не близкий. Но Андреас сокращал путь до райцентра, пролежавший через левый берег Иловля, который на большом протяжении был лесист. Для маленькой непоседы было в диковинку долго сидеть без дела, на то она и непоседа. Сначала она высунула свою любопытную головку, затем показалась вся. Она с удивлением оглядывалась по сторонам, на кажущееся в глазах ребенка гигантские темно-зеленые ели, как будто вот-вот и они придавят ее. Ей казалось, что солнце играет с ней в прятки, то скрываясь, то вновь появляясь из-за деревьев. Пошарив своей худенькой ручкой в корзинке, кроме прочих завернутых в тряпки припасов какие собрала мама в дорогу, она нащупала яблочко. Ей безумно захотелось откусить от сладкого фрукта кусочек, но страх тут же сковал ее желание, ведь в семье не было принято брать еду со стола без спроса или начинать прием пищи отдельно от всей семьи, да еще и не помолившись. Конечно, родители за это детей не наказывали, дети имея внутреннюю духовную силу, самостоятельно соблюдали все заведенные правила. Это был порядок, которому стоило следовать. И у Лизы, в столь юные годы уже выработался этот внутренний стержень. Неслышно прошептав молитву, она потихоньку начала кусать мягкое, спелое яблоко с разных сторон, поглядывая на широкую спину отца. По не накатанной дороге, наезжая на кочки и еловые шишки телегу трясло и подбрасывало. Через плотное, серое платище, Лиза чувствовала лесную прохладу. Она не думала, что путь будет столь длинным, настолько далеко от дома ей бывать еще не приходилось; во что мама ее нарядила с утра, в том она и оставалась. Девочка накрыла себя ошметками соломы чтобы согреться и от скуки и тряски мерного, убаюкивающего скрипа колес заснула.

От прошедших накануне осенних ливней в лесу размыло дорогу. До райцентра оставалось небольшое расстояние, и все это неезженое расстояние было покрыто густыми грязевыми глиняными лужами. Андреас понимал, что проскочить ему не удастся, но слегка стегнул по лошади, отчего та заупрячилась, замотала головой и не пошла дальше. Мокрая глинистая почва прилипала к колесам телеги и копытам лошади. Андреас выпряг лошадь, взял ее за поводок и бросив телегу с увязшим в грязи колесом принял решение пешком отправиться в райцентр. Хоть время и тяжелое, злое настало, но как человек порядочный и глубоковерующий он надеялся, что телегу его никто не тронет. Тащить телегу по грязи не под силу. Да и места по эту

сторону реки унылые, неприглядные, поросшие редкой, пожелтевшей травой, ни крестьянин ни уж тем более скотина сюда не сунется...

У двадцатилетнего Андрея подошел к концу срок службы в армии. Совсем взрослый, возмужавший и почти без волос на голове он возвращался домой, в родное село. Прямоком с поезда, соскучившись, истосковавшись по родным краям он отправился до села через лес пешком, не став нанимать извозчика. Не ожидал Андрей, что дорога настолько грязной окажется.

– Добро извозчика не взял, увязли бы дружно по самые уши, как та телега, – увидев брошенную посреди дороги телегу сказал он удивленно и с облегчением. Андрей выговаривал четко каждое слово. Ему нравилось проговаривать, слышать и применять в речи новые слова, которые он выучил, находясь на воинской службе. Теперь он будет лучше всех на селе по-русски говорить. С акцентом, но по-русски!

Измазав свои начищенные сапоги в густой грязи, он полез к телеге, дергая ее, пытаясь сдвинуть с места.

– Фати, фати,¹¹ – вдруг прозвучал еле слышный, тонкий детский голосок.

Андрей насторожился. Затаив дыхание он прислушивался. В телеге что-то зашевелилось. Слегка заспанная девочка откидывала от себя куски соломы, еще по-детски двигались беспомощно острые локоточки и не увидев впереди телеги спину отца и лошадь, она заволновалась и заплакала. Увидев премиленькую, хорошенькую девчущку сердце Андрея затрепетало. Она хныкала и терла свои глазки, Андрей смотрел на нее и чувствовал, как ширится в его груди сердце.

Глава 3

Еще позапрошлой осенью приезжал на хутор из города молодой мужчина-большевик в компании с переводчиком, агитировать население добровольно вступить в коллективное хозяйство. Обещая крестьянам красивую жизнь, они объехали все деревни и села. Молодые крестьяне охотно собирались на сходку послушать призыв. Старшему поколению уши развешивать было некогда, урожай на полях ждал. Раз приехал, два приехал, не поверили крестьяне обещаниям и в толк взять не могли, чего от них хотят. На третий раз заезжие церемониться не стали и к тем немногочисленным крестьянам, кто упорствовал до последнего, заходили во двор, приставляя наган ко лбу хозяина, насильно, угрозами заставляли отдать свой урожай и вступить в колхоз. Земля, которая была крестьянину завещана, у него же и была отобрана. Старошвиндовка держалась до последнего, а точнее это Андреас Гедингер не сдавал свои позиции. Чужая не ладное. Мужики, пахавшие в поле вместе с ним, над ним же и похихатывали.

– Один в поле не воин. Сдал урожай, сиди отдыхай! – говорили мужики.

Будущей же весной, когда пришла пора сеять, крестьяне вступившие в колхоз за головы свои похватались. Сеять то нечем, остались без ничего. Туго пришлось крестьянам, только сейчас они начали понимать какую глупость совершили. Они потеряли право распоряжаться полученным им урожаем, государство само определяло: сколько колхозу сдавать зерна и по какой цене. Уникальный случай в мировой экономике, покупатель определял цену на покупаемый товар! Производитель был полностью исключен из процесса ценообразования. Такого даже на заре человеческой цивилизации не было. Испокон веков крестьянин в первую очередь оставлял часть урожая на пропитание, вторую часть на семена, а оставшееся продавал. А власти в данном случае все поставили с ног на голову. Вступивших в колхоз вынудили все сдать, и их же обвинили, что те не заготовили семена для весеннего сева. Назад дороги уже не было. Мало того с них потребовали сдать то небольшое, что им было выдано авансом на питание.

¹¹ Vati (нем.) – папа.

У многих и этого уже не было и это предвещало голодную зиму, которую не все пережили. Теперь весь урожай находился в колхозных амбарах, отпала необходимость бегать за каждым крестьянином, чтобы отобрать у него зерно, оно ведь на складе, забирай сколько хочешь и когда хочешь, а если кто-то будет против, то он уже антисоветчик, а с такими разговор короткий: либо к стенке, либо в тюрьму. Помимо урожая полевых культур теперь и скот принадлежал государству, соответственно и продукция животноводства, мало того хозяйства жителей села обкладывались натуральным налогом (Молоко, масло, яйца, шерсть, шкуры, картофель т.д.). Тут очень уместно выражение «драть семь шкур». Должно то было быть как? Средства производства (земля, оборудование, скот, семена и прочее) должны находиться в совместной собственности и под общественным управлением его участников и результаты труда также должны распределяться общим решением участников. Это все в теории. А на деле...?

Пришли мужики дружно всей гурьбой к Андреасу на поклон, да тот им отворот поворот дал.

– Wem du dein Brot gegeben hast, frag ihn! ¹²– отрезал он.

Обозлились тогда мужики на Андреаса и всю его семью. Главным врагом на хуторе сделлся.

– Sei ihnen nicht ärgern, wir sind alle zusammen aufdewachsen, und leben auf demselben Land, unter einem Himmel. Anstatt beleidigt zu sein, hilfst du ihnen besser, – говорила Софи. Was ist ihre Schuld, dass sie getäuscht wurden?¹³

Долго сокрушался над этой ситуацией Андреас. Потом взял и подумал. А ведь права жена, нельзя не помочь землякам. Думал, думал... Как помочь? Хлеба ведь на всех не хватит. Если от себя оторвать, то семья без куска останется. Одному деньгами помог, второй пришел, третий... Поправились дела.

– Как нам отблагодарить тебя Андреас? Говорили мужики и бабы их.

– Денег я вам просто так больше дать не могу. Точка. Могу работу кое-какую время от времени давать, – сказал он им.

Кто согласился работать у Андреаса, тот остался, а кто предложение его посчитал за оскорбление – тот стороной дом его обходил, продолжая батрачить в колхозе, наступая на одни и те же грабли. Он был строг, но справедлив. Те, кто трудился, знали: с ним – не пропадешь, хоть и жизнь в эти годы была жестокой, а выжить мог только тот, кто умел работать на земле и не боялся тягот. Работа спорилась, несмотря на засуху и продрозверстку урожаем на славу удавался. Андреас с сыном восстановили старую мельницу, доставшуюся в наследство от старшего Гедингера, обеспечив хлебом себя и всю округу. Из соседних сел на работу к Андреасу люди приходили, никому не отказывал. Так и продержались пару лет. У семьи хозяйство увеличилось. Прирост населения у хутора значительно возрос, что не нравилось местным жителям. Не нравилось это все и местным властям. Стали они к Андреасу заезжать, да самого дергали в райцентр, все договориться пытались, в колхоз его затянуть. И так и этак подступится пробовали, все безнадежно...

– Зараза, суров мужик, не взять его вот так руками то голыми! – говорил местный следователь, полный, неряшливый мужчина, нервно трясая руками перед лицом нового коллеги из района ПП ОГПУ. ¹⁴

– Решать надо вопрос кардинально, – хитро поблескивая узкими, словно осокой прорезанными глазами сказал полномочный Нефедов. – Мы с тобой сила, за нами товарищ, – ткнув

¹² Кому свой хлеб отдали, у того и просите. (нем.)

¹³ Не сердчай ты на них, вместе все росли, живем на одной земле, под одним небом. А ты вместо обиды, возьми, да и помоги им. В чем они виноваты, в том, что их обманули? (нем.) *** Далее все диалоги в целях удобства будут писаться на русском языке.

¹⁴ Полномочный представитель Объединенного государственного политического управления.

пальцем вверх и кивнув на свежий портрет нового вождя, висевший над столом, сказал он. – А он кто? Старик безграмотный. Кулак.

– Э, неет, тот не таков. Мужик он шибко умный. Здоровенный. Сильный. Уважают его на хуторе. Силой у него так просто не отнимешь.

Не понравилась полномочному такая характеристика.

– Ничего, не умнее меня. А вас всему учить надо? – вскрикнул он от злости и с силой сжал свой темный маленький кулачок с набухшими жилами.

Крепко взялся Нефедов за старика Андреаса. То с обыском к нему люди заявятся, то на поле сунутся – от мужиков караульных бегут так, что пятки сверкают. Как ни спросят: «Где зерно свое прячешь?» в ответ только слышит: «Ищите». Не мог спокойно спать Нефедов пока простые люди хорошо живут своим трудом, все строил планы, как ему дальше действовать, какие козни учинить ...

Под предлогом «заключения мира» в очередной раз выдернули Андреаса в райцентр. Погоды стояли дождливые. Природа словно чувствовала надвигающуюся беду и не давала выехать Андресу в путь, ливнями сильными размывая дорогу. Софи молилась всю ночь и все утро за добрую дорогу мужа. Молилась, чтобы все получилось, чтобы и они и жители хутора зажили спокойно. Лиза не видела, но слышала, как из темноты доносился молитвенный шепот и шелест четок. Эти звуки нагоняли страх на маленькую девочку. Она накрылась с головой стеганым одеялом, чтобы не слышать их, но и это ее не спасало.

Необычайно светлым было лицо Софи этим утром. Такое светлое, озаренное, каким Андреас и с самых юных лет не припоминал. Смотрел и не мог насмотреться на свою Софи. Одета в черный балахон, с завязанным туго черным шерстяным платком на голове, она забрала на себя все его внимание, что он забыл по обыкновению поцеловать в макушку свою маленькую егозу. Софи перекрестила дорогу мужу двумя полусогнутыми пальцами и оставалась терпеливо стоять у ворот, пока телега не скрылась из виду.

Дорога занимала весь день и, если Андреас уезжал надолго, Ева, беременная жена Сандера приходила помогать Софи по хозяйству и нянчить Лизу. Никогда ранее не видел своих сверстников, побывав однажды в городе с отцом на базаре Лиза увидела себе подобных девочек, они были такие же маленькие, как и она. После этой встречи она с трепетом ждала появления на свет ребеночка Евы.

Андреас давно скрылся за горизонт, Софи продолжала стоять и ждать, нетерпеливо смотря в сторону дома сына. Ева все не шла. Невысокого роста, Софи даже приподнялась на цыпочки, высматривая невестку. До сих пор такая спокойная, собака выла и пронзительно скулила.

Дом семьи был одним из первых на хуторе и самым старым на тот момент. Бревенчатый, поставленный по всем канонам традиционного немецкого жилища, с высоченными, скрывающими наглухо крытый двор резными воротами и наличниками. Двор, в котором царил невероятный порядок. Молодые уже строили иначе, по-простому, на современный лад. Дом Сандера был из таких. Отец и сын за год поставили избу у реки, рядом с мельницей.

Софи, поддавшись волнению за беременную невестку, не заперевав настежь открытые ворота заторопилась к ней на встречу, оставив как она была уверена дома маленькую Лизу. Она шла и причитала, ругала себя, что это она сама должна была приходить и помогать Еве, а не Ева в таком положении каждый раз тащиться в гору к ней. Стоило бы Софи задержаться еще на несколько минут, и она непременно бы встретилась с Евой... В гужевой повозке, до отказа набитой женщинами и детьми...

Лошадь упрямылась. Андреас насилиу вел ее. Привязав лошадь к столбу возле одноэтажного полуразрушенного здания милиции, он, сняв картуз и протерев платком пот со лба, согнувшись в три погибели медленно прошел в низкие двери. Трескотня пишущей машинки

утихла, как только на пороге вырос злейший враг Нефедова. Встретившись с неласковым взглядом Андреаса, Нефедов растерялся и сильнее уперся в стул, на котором сидел. Могучая натура Андреаса, его железный характер обладали такой огромной невидимой силой, которая довлела над окружающими, в особенности над страдающими от злости и неуверенностью людьми. Но на секунду представив, что сейчас происходит с семьей Андреаса по его указу, Нефедов мягко и с затаенной усмешкой выдохнул.

– Вот тут бумага на тебя пришла из сельсовета. Характеристика на тебя и на батраков твоих, – теребя в руках потрепанные бумажки, начал Нефедов.

Андреас понимал через слово.

Интересный документ. Характеристика, писанная почему-то председателем сельсовета, который находился за десятки километров от хутора. Мог ли он хорошо знать тех, о ком писал? Ясно было видно, что характеристики писались карандашом через копирку на всех сразу в форме анкеты и уже ручкой вписывалось нужное Нефедовым. В графе «наименование рабочей силы» на нужных Нефедову людей было написано слово «средняк?» причем слово написано с вопросительным знаком. А за ним наискось через все графы «типичный кулак», причем написано другим почерком и ручкой за подписью Нефедова. Он самопроизвольно вносил поправки, писал то, что ему было нужно.

– Помощь из Америки получаешь? Получаешь ведь? – долго репетируя допрос Андреаса, наконец-то выговорился Нефедов.

Андреас смотрел на него с высоты своего роста и ничего не понимал. Долго готовился Нефедов к допросу, одного не учел, языкового барьера.

Местный следователь, не вмешиваясь, затаенно наблюдал за Андреасом, делая вид, что занят своими делами. Нефедов тянул время. Он понимал, что официально ничего пока не может предъявить, но наказать его и других кто против системы надо. Это позже, к началу 30-х появятся такие формулировки как «враг народа», «саботажник», «организатор контрреволюционной группировки», «антисоветская работа», «разложение колхоза и подрыв колхозного строительства» ... Это уже серьезно и тянет согласно уголовному кодексу на высшую меру наказания или в лучшем случае на десять лет концлагеря. Вот где для Нефедова и таких как он будет раздолье, но Андреаса уже не будет на этом свете. А останутся его дети, над произволом которых он будет наблюдать сверху. Он и его любимая Софи...

С отуманенными печалью глазами встретила Софи его у ворот. Не выбежала с радостными криками встречать отца его маленькая Лизбет. Софи было нестерпимо горько, когда Андреас еще не понимая, что стряслось, подался к жене. Они стояли друг против друга и обмениваясь взволнованными и растерянными взглядами молчали. Но растерянность эта продолжалась недолго, он тотчас же ринулся на скотный двор. На хуторе стояла тишина. Скотный двор был пуст. Ни хозяйства, ни работников, никого... Кажется он все понял. Не обмолвившись ни словом с женой, он спешно загнал лошадь в сарай заперев его на засов, дополнительно закрыв ключом, который смастерил сам. Только он знал его механизм. Быстро стемнело. Андреас торопился к дому сына, Софи насколько могла бежала за ним сквозь пробившиеся слезы крича во след что там пусто. Действительно, в доме Сандера было пусто и все перевернуто вверх дном. Забрали все, даже муку из корыта выгребли, не оставив пылинки. У Софи разрывалось сердце от чувства вины. Она так сильно переживала случившееся, с надрывом ругая себя за беспомощность, что не смогла уберечь дочь с невесткой, и в одно мгновение просто слегла. Софи видела, как пришлые забирали всю еду из дома, какая там имелаась, выводили скот, в мешки засовывали курей, даже собаку зачем-то забрали. Кажется, никогда Софи не испытывала подобной боли, когда в душе все кипит и взрывается и ни одна молитва тебя не спасает.

На утро у ворот Андреаса сгрудились мужики и старухи, те, кто по счастливой случайности остался на хуторе. Забирали в основном не старых женщин, еще способных работать.

Приехал председатель. Женщины стонали, мужики единым порывом набросились на председателя, русского мужика.

– Что ты кровопиец, не ведаешь что у тебя под носом творится, – на немецком кричали они. – Живешь на куличках, носа не кажешь к нам.

Председатель всем видом показывая отрешенность на ломаном немецком невозмутимо им отвечал.

– О произошедшем будет доложено в район. Не только одни вы пострадали, и с соседних сел поступают жалобы.

– Всю еду, весь урожай отобрали, как жить прикажешь? Даже при царе такого беспорядка не было!

На мгновение крики утихли, за ворота вышел Андреас. Будучи, по сути, никем, не занимая никаких должностей, он располагал таким влиянием, о каком любой председатель мог только мечтать. Андреас достал мятый, слипшийся в мокрый комочек платок и вытирая красное, растерянное лицо заявил: Софи отошла. Испугались люди увидев в сильном некогда Андреасе маленького, изможденного старика. Он заметно постарел за этот день. Испугались, ведь на него одного надежды возлагались. Эти несчастные пришли на хутор на работу, к нему, пришли за лучшей жизнью. А сейчас он выглядел немощным. Женщины ревели от безысходности и сочувствуя горю Андреаса. В толпе показался Сандер. Обезумевший от своего горя, он, растолкав толпу прошел к отцу. Поняв по его виду, что хороших новостей нет он вдруг закричал:

– Неужели никто из вас ничего не видел? – На наши дома совершен варварский набег, и никто ни сном ни духом?

Но каждого волновала только собственная судьба. С дальних рядов люди понемногу начали удаляться, оставив Андреаса с сыном наедине с их горем. Незаметно исчез и председатель. Стало понятно, что теперь каждый сам за себя.

– Мать схоронить надо, – смотря вослед растворяющимся в утреннем тумане хуторянам, сказал Андреас.

Объятый страхом и разбитостью от безуспешных ночных поисков жены и сестренки, Сандер впервые в жизни пустил слезу. Только он собрался отвернуться, чтобы спрятать свои глаза, как отец, обычно сдержанный и невозмутимый остановил его и крепкой хваткой прижал к груди.

Глава 4

Андрей не знал, как поступить и медлить было нельзя. Девочка дрожала от страха и холода.

– Как мне докаснуться до этого ангела? – подумал он, едва сдерживая себя от того, чтобы не прижать её к себе, как собственного ребенка. Это была не просто девочка. Это было нечто хрупкое, потерянное, незащищенное.

Сбросив с плеча вещмешок, он приблизился к телеге и уверенными движениями вытащил девочку, ненадолго задержав её в своих теплых руках и поставил на землю.

– Откуда ты здесь? – спросил умиленный Андрей.

Лиза перестала плакать и начала чихать. Она смотрела вниз, на сапоги незнакомого человека. Андрей повторил свой вопрос, но уже более нежно, чтобы девочка не пугалась его.

– Фати... – повторяла она.

– Ты здесь с отцом? – поняв, что девочка не понимает русскую речь, он перешел на немецкий, достав корзинку из телеги и поставив ее перед девочкой.

Лиза, не поднимая глаз кивнула головой.

– Ветер хорошо подсушил, дорога затвердела, надо бы колеса почистить, – сказал Андрей, осматривая телегу.

Но тут Андрей резко повернул голову услышав в далеке глухой хлопок. Лес пробудился. Сначала, он не придал значения тому, что услышал. Но через мгновение раздался еще один. Теперь он подумал про охотников. Но увидев мчащихся невдалеке и стремительно приближающихся к ним лошадей, он почувствовал опасность и незамедлительно схватил вещмешок, корзинку, взял за руку девочку, и они побежали по узкой тропинке в лес, спрятаться. Широкий ствол старой пушистой ели укрыл их. Пять повозок, заполненных людьми, пронеслись мимо, только замыкающий колонну отстав от остальных, притормозил лошадь, спрыгнул, с ружьем на перевес покрутился вокруг брошенной телеги, не найдя в ней ровным счетом ничего и поскакал дальше... Лиза совсем замерзла. Вечера осенние стояли, холодные. Она села на большой торчащий из земли корень ели и опять принялась плакать. Шишки, разбросанные по всюду больно впивались в ножки, которые были обуты в летние тонкие сандалии. Андрей следил за пронесшимися мимо повозками, но услышав плач девочки поспешил к ней. Он достал из мешка плащ-палатку и укрыл ею девочку. И тут глаза двух людей встретились. И ничего поделывать уже было нельзя. Биение ее маленького, встревоженного девичьего сердечка было слышно в тиши. Оно затрепетало той первой детской, чистой любовью, от которой душа сияет радостью и счастьем. Солнце кажется более ярким, небо более синем и ясным и все вокруг озаряется теплом.

– Твой отец охотник? Куда он пошел? – задавал вопросы Андрей, а у самого билось сердце, смотря на маленького ангела.

Лиза, хлюпая носом смотрела на незнакомца.

– Как ты оказалась одна, посреди леса, в телеге без лошади?

Но Лиза не понимала, что ей нужно говорить. Она знала только то, что поступила неправильно, и что за ее проступок отец мог оставить ее в лесу как непослушную дочь. Она боялась этой мысли.

– Ты голодная? – видя, как она жадно смотрит на корзинку спросил Андрей.

Лиза робко кивнула в знак согласия. Андрей сел на корень рядом с девочкой и поставил корзинку себе на колени, поискать что есть съестного. Только он ухватился за сверточек, как услышал молитву. Лиза читала молитву перед трапезой. Это еще больше умилило его.

– Ты лютеранка? – спросил он, дав закончить ей молитву и протянув кусок капустного пирога.

– Аха, – ответила она.

Андрей, перестав улыбаться задумчиво почесал затылок, ведь даже если он и влюбился, и она когда вырастет и станет прекрасной девушкой возможно влюбится в него тоже, то не бывать их союзу, потому как семья Андрея католической веры.

– Кушайте тоже, – сказала Лиза, взяв из корзинки еще кусок.

Еда согревала и клонила ко сну. Если бы они могли знать в тот момент, наслаждаясь вкусным пирогом, что такое кушанье увидят они теперь не скоро... На Поволжье надвигался страшный голод.

Погода портилась. Налетели тучи с ветром.

– Эй-эй, нельзя засыпать! Пуще замёрзнешь! – воскликнул Андрей, когда девочка закрыла глаза.

– Ты со Швиндовского или Гафнерского? – перечислив близлежащие лютеранские хутора спросил Андрей, узнав, что девочка лютеранка.

– Фати... – вновь загрузив и надув губы произнесла Лиза.

– Что с тобой будешь делать? – по-русски произнес Андрей.

Лиза от усталости всё-таки поддалась сну. Он подождал еще немного, но у телеги так никто и не появился. Оставлять ребенка в лесу было небезопасно. Кто знает, объявится отец

или нет, а может девочка выдумывает и никакого отца с ней и не было. Одетая она совсем не по сезону. Хотелось, очень хотелось ему привести девочку к себе в дом, но он понимал, когда родители узнают, что она не католичка не позволят ей остаться. Андрей не бросил ее одну в лесу, а аккуратно понес на руках укутав как можно плотнее в плащ-палатку.

Солнце клонилось к горизонту. У телеги появился человек. Это Андреас возвращался назад. Вспомнив, что жена собрала в дорогу еды он, проверив телегу и не найдя в ней корзинку немного расстроился так как был очень голоден. Пospешив очистить колеса, чтобы успеть добраться за светом, он запряг лошадь и отправился до дома.

Когда пришло время выбирать дорогу, Андрей остановился на развилке и попытался разбудить девочку. Уложив спящего ребенка на землю, он подложил ей под голову вещь мешок, а сам принялся собирать сухие ветки для костра. Ночь непроглядная, длинная, пришлось дожидаться рассвета, чтобы была возможность двигаться дальше.

– Хорошо, что еще телегу не потащил, – уставшим голосом прошептал Андрей, сбросив с себя котомку с собранными ветками.

Наконец он сел отдохнуть. Путь был проделан не простой. Андрей думал, что Лиза проснулась от треска и яркого света костра. Но она проснулась давно, внимательно вслушиваясь в незнакомые слова. Как только он обращал на нее внимание, Лиза быстренько жмурилась, притворяясь что спит.

– Меня Андреем зовут, – по-русски сказал Андрей, когда девочка не успела вновь сделать вид что спит. – Тыфу ты. Майн намэ ист Андрей. Ви хайсен зи?¹⁵

– Элизабет, – осмелев отвечала она, впервые за день улыбнувшись, потому что наконец-то согрелась. – Фати назвал меня в честь своей мамы. Ома¹⁶ меня еще не видела. Она живет очень далеко от нашего дома, – разоткровенничалась девочка.

– А ты совсем не говоришь по-русски?

– Я слышала, как одна фрау сказала, что пастор Эрик испугался и убежал, потому что его заставили учить людей по-русски. Церковь у нас закрылась. А фати сказал, что у пастора не было выхода и фати научит меня сам, – выбираясь из плащ-палатки говорила Лиза.

– Не раскрывайся сильно, замерзнешь опять, – тут же среагировал Андрей.

– Я знаю слово «церковь», «кушать», эммм, – вспоминая все русские слова говорила девочка. – Слово «изба», «собака», «лошадь», – с небольшим трудом выговаривала она.

– Выходит, что твой отец знает русский язык?

Девочка пожала плечами и мило улыбнулась.

– Вы отведете меня домой?

– Да. Только нам надо дождаться утра. Ты покажешь дорогу?

– А я не знаю дорогу, – пугливо ответила она.

– А кто знает? – в шутку произнес Андрей.

– Я виновата, – с раскаянием в голосе сказала Лиза и из ее глаз покатались крохотные слезинки. – Я обманула фати, забралась в телегу и уснула, а когда проснулась фати не было. Я хотела быть рядом с фати. Он бросил меня за непослушность и уехал, – надув губки говорила она.

Андрей громко засмеялся, так громко, что Лиза прекратила плакать.

– Глупенькая... Действительно не послушная. Но я уверен, что отец тебя не бросал. Знаешь, что, скорее всего у него в грязи застряли колеса и он не смог проехать, а ехать надо было. Отец твой отцепил лошадку и ускакал на ней. Понимаешь? И ты здесь ни при чем!

– Правда? – удивленно спросила Лиза, хлюпая носом.

– Конечно правда! И тебя сейчас, наверное, разыскивают повсюду.

¹⁵ Меня зовут Андрей. А тебя как зовут? (нем.)

¹⁶ Ома – бабушка (нем.)

- И меня совсем не будут ругать?
- Ругать точно не будут!
- Пойдемте скорее домой, – радостно засобиравшись сказала Лиза.

Андрей умилялся каждому ее движению. В его голове промелькнула мысль, «почему его младшие сестренки не были такими же миленькими как эта незнакомая девочка»? От усталости хотелось спать, но засыпать было нельзя, нельзя было оставлять Лизу одну. Собрав вещи и потушив костер, Андрей взял девочку за руку, и они отправились дальше. Андрей понял куда вести ребёнка. Единственная церковь, которая была в округе, стояла на Старошвиндовском лютеранском хуторе, который находился в тридцати верстах от Добринки, самой первой немецкой колонии, в которой жил Андрей Миллер, с родителями и двумя сестрами. Дорога была длинная, они болтали обо всем на свете; Андрей учил Лизу новым русским словам, а она увлеченно на лету все схватывала, забывая о холоде и напевая песенки; Лиза возбужденно рассказывала, что скоро у нее появится подруга, как родится у брата дочка и какой заботливой тётей она для нее станет, как всему ее научит.

Они шли точно по курсу за глинисто-рыжими следами колес, оставленными телегой. К утру они уже добрались до места. Свежие, круглые дыры от лошадиных копыт вели их точно до хутора. Последние опавшие листья обнажили дома хуторян, ровные, стоящие по линейке лицом к дороге. Андрей никогда не бывал здесь ранее, но был наслышан о чудных крестьянах, которые из, по сути, неплодородной земли умудрялись собирать невиданные урожаи... Поля опустели, урожай был собран, крестьяне готовились к зиме.

– Лизавета, ты дом свой найдешь самостоятельно? – встав на одно колено и взяв обе ее холодные ладошки в свои с грустью в голосе спросил Андрей. Он не желал с ней расставаться.

Лиза, вглядываясь в утренний туман также с грустью кивнула головой. И ей не хотелось расставаться с новым другом. Но взрослый мужчина, солдат, защитник, проживающий в светском государстве, сам того не осознавая, вдруг встал на сторону своих религиозных предрассудков. Как он, католик, сможет появиться перед лютеранской семьей этой девочки? Он знал, как приняли бы пришлого лютеранина на их хуторе, ожидая того же в ответ.

– Я не могу идти дальше с тобой, – отрезал он, прижав её ладони к своему холодному лбу. Огорченная словами нового друга Лиза надув губы вырвалась из его крепких рук и побежала без оглядки в густоту тумана, к дому. Он продолжал стоять на колене, пока её силуэт окончательно не растворился...

Глава 5

Сандер дал волю накопившимся чувствам. С позволения отца он рыдал у него на плече уткнувшись носом и заглушая своим плачем все вокруг. Андреас от боли за жену, за дочь, за сына зажав глаза и стиснув зубы хлопал сына по спине своей тяжелой, грубой ладонью. В один миг потерять всю семью... Сердце сжималось так сильно, что он уже было подумал, что начал из ума выживать, когда сквозь плач он услышал голос доченьки. Голос продолжал его звать. И вот открыв глаза он не поверил себе. Неподалеку стояла Лиза, живая и невредимая, размахивая большой корзинкой. Сердце Андреаса заколотилось от радости и испуга. Лиза не понимала, что происходит, она была уверена, что ругать её не будут, ведь Андрей пообещал ей!

– Меня зовут Лиза! – с гордостью произнесла она выученные по дороге русские слова.

Сандер успокоившись удивленно обернулся. Увидев сестренку, он бросился к ней, схватил её на руки вместе с корзинкой и закружил в своих сильных объятиях.

– Ева, Ева с тобой? – возбужденно спросил он, поставив сестру на место.

Лиза не понимала, почему её спрашивают про Еву. Подошел отец и взял растерянную дочь на руки.

– Фати, ты же не будешь ругать меня?

Андреас молчал... Больше девочку ни о чём не расспрашивали.

Мужики сколотили гроб. У гроба собрался хор старушек ночь напролет напевая траурные песни. Но никто не грустил, потому как у лютеран было принято провожать человека в последний путь с радостью и улыбкой на лице. Традиции традициями, но безутешные дети Софи были мрачнее тучи. И когда в очередной раз старушки заводили «Эс гет на хаус цум фатерхаус»¹⁷, у Лизы лились горькие слезы, она не могла понять, почему все эти люди поют так радостно, когда ей хочется просто спрятаться и не слышать ни единого звука. У всех песен, хоть они и траурные, был веселый мотив. Лиза не могла понять, как можно петь о смерти с таким лёгким настроением. Она снова заплакала, и её маленькие плечики задрожали. В то время как все вокруг казались поглощёнными традицией, для неё это было похоже на какое-то недоразумение, нелепое и жестокое.

– «Вот так, всех лечила, а себя не долечила» ... «Говорили, болела последнее время» «Да время нынче такое, что ж поделать» ... «Ей то сейчас хорошо там», – причитали шепотом старухи.

Пастор Эрик узнав о кончине Софи, к которой часто обращался со своим недугом, успел приехать только к захоронению, встретив процессию, спускавшуюся с горы. Андреас и Сандер несли гроб вдвоем, Софи при жизни была маленькая, легкая, а уж теперь тем более. Старухи встрепенулись, увидев пастора. На мгновение словно забыв, где они находятся, каждая старалась идти рядом с пастором, тут же, на ходу изливая ему свою душу. Ему было ни то стыдно, ни то совестно перед своей паствой. Никому не давая ответа, а лишь сдержанно кивая головой он выполнил всю обрядность, которая от него требовалась, отдал дань как он её называл матушке Софи и также незаметно исчез, как и появился. Старухи, допевая последнюю песню искали глазами пастора, но он словно испарился. С грустью они побрели по своим домам. Андреас воткнул деревянный крест в изголовье, в подмерзшую землю, снял свой картуз. Сандер не шевелясь смотрел в пустоту, а потом спохватился и снял свой картуз следом за отцом. Поминальный обед не делался, и не потому, что у хуторян это было не принято, а потому что совсем не осталось еды. Полуголодные, они думали, как им выживать дальше.

Лизу оставили дома мыть пол, заперев её на все замки. Она тихонечко сидела на сундуке матери и плакала, обхватив руками свои колени. Не чувствуя холода, ведь печь не топили из-за покойной, она не понимала, что произошло. Почему так случилось? Она спрашивала Бога почему мама умерла. Когда она получала ответы Бога, логически собирая в своей головке пазл прошедших трех дней, она плакала еще залиvistей. Как её безобидная шутка превратилась в такую трагедию? Получается, это она всему виной? Как еще утром выйдя из дома, разнеженная и забалованная своей матерью она очутилась одна в лесу и каким чудом ей удалось вернуться домой, но уже в другой дом, где не было мамы? Кажется, именно в тот день произошло ее взросление. Она больше не дочь своей матери...

Услышав скрип двери, она даже не шелохнулась. Вернулся отец. Лиза не бежала встречать его как было обычно. Отец молча прошел в дом по мытым еще не высохшим от холода полам и сел на сундук рядом с дочкой. Лиза, учуяв от отца запах влажной земли вдруг заговорила.

– А где Ева? – серьезным тоном спросила она. – Почему Ева не пришла?
– Сандер скоро приведет ее, – отвечал отец.

Мужчины искали своих жен, матерей и дочерей окрест. Тьма крошечная затрудняла поиски, но они всё равно продолжали искать, наталкиваясь на пустые избы. Трясти председателя и ждать от него помощи было бесполезно. Сандер не заходя после похорон в дом распрощался с отцом у ворот, отправившись на поиски жены за пределы хутора. Не мог отец его

¹⁷ «Es geht nach Haus zum Vaterhaus» (нем.) – похоронная песня, которой провожали человека в последний путь.

удерживать и на месте его поступил бы также. Остался старик Андреас один со своей Лизбет... Андреас походил по бывшим полям, пособирав каких-то случайным образом уцелевших коло-сьев, но ничего особо не нашел, только кулек зёрен. Вернувшись домой, он подумал освоить в огороде, недалеко от дома озимый сев. Мужики, заняв выжидательную позицию наблюдали за стариком, что он будет делать, прямо не подходя и никак не обращаясь к нему. Организаторы этой жестокой «голодной» акции усугубили положение тем, что провели её в зимнее время, отобрав у людей все до последней крошки, поживившись запасами хуторян, заготовленных на зиму.

Женщин вывезли в степь за пределы района и загнали в уже заранее вырытый овраг, где им пришлось голыми руками вырыть себе норы на склоне оврага, чтобы хоть немного укрыться от холода и ветра. Женщины, одетые в легкие домашние платья и сарафаны изнывали от холода и голода. Так день шел за днем. Ева разродилась. Ни еды, ни тепла... Что дать мерзнущему голодному ребенку, с плачем и полным ужаса криком просящий мать? Идти в близлежащее село просить милостыню было невозможно, так как на краю оврага стоял вооруженный постовой, возле костра, в тулупе и не разрешал покидать овраг. Местным жителям, видевшим эту картину, также не разрешался контакт с «врагами народа». Единственным источником питания были трупы животных, сброшенные в овраг жителями близлежащего села, но и этого хватило ненадолго. Ева не спала. Измученная, она день и ночь охраняла своё дитя от хищных взглядов женщин. Дети умирали один за другим и могилой им был холодный снег. Холод и голод эта та страшная комбинация, которую пережить невозможно. Позже, когда в живых никого не осталось, то трупы погибших были обгрызены и растасканы дикими зверями, а весной смыты внешней водой в реку Иловля и далее в Дон. Всё: внутренний враг уничтожен. Об этом ужасе не было бы известно, если бы не одна выжившая, которая смогла вернуться домой. И как бы это жестоко не звучало, но лучше бы было их застрелить сразу, чем подвергнуть медленной и мучительной смерти...

После длительных поисков сбившись с толку и потеряв всякие жизненные ориентиры, Сандер из последних сил добрался до города. Не мог он без Евы вернуться к отцу. Это бы означало, что всё потеряно. И конечно он понимал то бедственное положение, которое пришло в их дом, но сердце не позволяло ему сдаться. Город он знал совсем плохо, так как не любил его шума и излишней суеты; его незнакомых людей, говорящих на чуждом ему языке, которые делают вид, что тебя нет и руки тебе не подадут, поэтому с хутора выбирался редко. По душе ему больше был простор, степь, Бог, да семья, что всегда рядом. Если по каким делам надо было в город ехать, отправлял старика Андреаса, а сам оставался на хозяйстве за старшего. Но теперь нужда и безвыходность привели его в город. Сколько людей – все чужие. В каждом прохожем он искал Еву. Не верилось ему, что человек может исчезнуть с лица земли вот так, бесследно. И сколько бы он не обращал свой взор в небо, а голос свой к Всевышнему, ответа не получал. И когда на исходе сил он диким зверем зарычал, в последний раз обращаясь всеми своими мыслями к Богу стоя посреди незнакомой ему улицы, он вдруг услышал крик, словно кто-то наконец отозвался. Молодая женщина разнимала драку двух мужчин. Сандер не раздумывая кинулся на помощь. Женщина визжала, закрывая свое лицо тонкими ладонями, на которых были надеты изящные перчатки. Мужчины, никак не реагируя на крик, продолжали калечить друг друга. Сандер, телосложением своим, выдавшимся в отца, хоть и характером очевидно в мать, одним движением руки прекратил драку. Он разнял мужчин, которые один был заметно старше другого. Тот, кто старше, зло, отборным русским матом ругал Сандера за то, что тот вмешался. Только всё бестолку, Сандер не понял ни слова. Женщина, не вытерпев услышанного выхватила у него из рук свои туфли, которыми он бил практически молодого парнишку. Сандер ничего не понимал, но был рад тому, что люди успокоились.

– Бес его за ногу! Ай, сопсем робить не хотит, – говорил заросший мужик, настолько была борода его густа, что не было понято откуда идет звук. – Пшёл вон, собакино дитё, – уже сбавив злость сказал он парню. – Робить будешь у меня? – по-деловому заговорил он с Сандером.

Сандер смотрел на него пытаясь понять, что от него хотят. А мужик продолжал говорить, приобняв Сандера.

– Зима на носе, люд идет отбоя нет, а робить никто не хотит. А ты я гляжу мужик складный, да глаз добрый у тебя. Пойдешь робить?

– Э-ээ, – все, что смог вымолвить Сандер.

– Детушки мои, немец? – обрадовался мужик. – Как это итить, ви хайсен зи?

– Сандер, – ответил он, поняв его немецкий.

– Находка! Сашкой будешь. По рукам? – протянув свою ладонь спросил мужик.

Сандер подумал, что деваться ему все равно некуда пока и кивнув пожал вытянутую руку.

Так Сандер сделался сапожником. Зима наступала. Люди несли на починку свою обувь. По городу прошел слух, как вовремя и качественно починяют обувь в мастерской Гордея Шестакова. Шестаков всему обучил Сандера в короткий срок. Поселил его тут же, в мастерской. Накормил, обогрел. Сандер все на лету схватывал, и казалось так, что он будто всю жизнь сапожником и был. Шестаков учил его русским словам и нарадоваться не мог, деньга то идет!

Декабрь наступил. Народу поменьше стало идти. Спрос упал. Но не желал Шестаков расставаться с таким драгоценным работником. Планы строил, как еще одну мастерскую справит в области. А его, Сашку, здесь поставит за делом следить.

Закупив разного продовольствия на первые заработанные с обувного дела деньги, Сандер, пока заказов нет, отправился домой, в Старошвиндовку. Целых два месяца не появлялся он дома. Теперь не стыдно было ему возвращаться, не с пустыми руками приехал. Радость его быстро сошла с лица, увидев нечищенные, занесенные снегом ворота избы. Ни следов, ничего. И дым из трубы не валит. Он посмотрел вниз, в направлении их с Евой дома, подумав, что может отец с сестрой переселились туда, но и туда следы не вели. Снег лежал белым несмятым покрывалом. Белым бело вокруг. Кажется, что ничего больше нет, кроме вот этого пухового снежного покрывала, все тихо, мертво, только он один, но на самом деле всё не так. Вон там, под снегом его дом... а там другой и третий. Весь хутор занесло, укрыло снегом.

Он и не рассчитывал, что Ева вдруг могла вернуться домой, но надежды однажды увидеть ее все равно не терял. Он подумал о том, что вот-вот должен был впервые стать отцом. Но где она? Где они?... Сандер оставляя первые следы на снегу неспешно прошел к воротам. Его пугала промелькнувшая в этот момент мысль, что в доме может никого не оказаться, и он остался совсем один на белом свете. На хуторе ни души, а ведь еще недавно у ворот толпились люди в ожидании помощи от его матери Софи. Даже в церковь шли не так охотно, как к ним домой. А сейчас здесь никого.

Зима сжала землю, не оставив ни капли прощения, и, хотя солнце на мгновение выглядывало из-за облаков, оно не приносило тепла. Казалось, в доме было холоднее, чем на улице. На деревянном полу в сенях Сандер увидел засохшую кровь, в двери заметил две дыры от выстрела. Сандер настороженно отпер скрипучую дверь, и холодный, сырой воздух, смешанный с запахом гнили и пыли, ударил ему в лицо. Напротив двери, у стены, на приставленных друг к другу сундуках, лежал умирающий отец – его могучее когда-то тело было искривлено, бледное лицо, застывшее в немом страдании. Рядом с ним лежало ружье. Лиза, закутанная в шали и платки, оставшиеся от мамы, спасалась от холода сидя в ногах у отца, маленькая и хрупкая, как цветок, забытый в зимнем саду. Она не сразу узнала заросшего брата. Задорные глазки ее померкли, румянец уступал место болезненной бледности. Блаженная улыбка сбегала с ее высохших губ, когда брат подошел и обнял её так крепко, насколько возможно. Сандер заплакал от радости встречи, а потом очень удивился, почему не плачет его сестра. Конечно, она еще слишком мала и скорее всего не понимает происходящего. Он был рад видеть, обни-

мать, прикоснуться к своему родному человеку. Он не одинок. Здесь, в этой маленькой девочке еще живет его кровь. Кровь родителей. Он мог почувствовать ее в каждом ее движении, в каждом взгляде. Где-то далеко, в холодной тени безвестности, была еще Амалия, но ее присутствие казалось уже таким далеким, столь чуждым. Она была совсем не похожа на Лизу и на него. Он так давно не слышал её голоса, что забывал, как он звучит. Она была как из другого мира, из другого теста... Отец совсем не говорил, сил не было. Сандер сел на табурет и взял Лизу на руки, посадив себе на колени. Его спина и плечи заболели от усталости, но он не мог перестать обнимать сестру.

Лиза обняла брата за шею и прижалась щекой к его теплой щеке. Сандер почувствовал, как её слабые руки, обвившие его, чуть сжимаются, а потом всё так же расслабляются. Он целовал её в лоб, в волосы, его губы слегка дрожали, а в глазах стояли слезы. Он пытался утешить ее, но не знал, как. В его груди kloкотала боль, которую он не мог выразить словами. Она как будто пыталась что-то сказать, но слова не выходили. Вместо этого она вздохнула и закрыла глаза, словно пытаясь скрыть слезы, которые она сдерживала все это время.

– Фати... Он защищал меня. Но...они пытались меня забрать и съесть, Сани... Меня хотели съесть! Те люди... они были голодные, что... что стали... как звери. Фати стрельнул. Он защищал нас, чтобы они нас не съели...

Сандер замер, не зная, как реагировать. В голове всё смешалось: радость от возвращения и ужас от того, что он только что услышал. Он не мог понять, как такое вообще возможно – люди, которые в такой отчаянной нужде дошли до такого безумия. Его сердце сжалось, и он почувствовал, как холодный страх наполняет его душу.

– Ты... ты хочешь сказать, что они... пытались... съесть вас? – спросил он, всё ещё не веря в услышанное.

Лиза кивнула, её взгляд опустился.

– Я помню их лица, Сани. Они были такими... голодными. Как звери. Мне очень страшно. Сандер сжал её руку крепче. Он был ошеломлен, но чувствовал, что её слова – это не просто рассказ. Это была реальность, в которой они теперь жили. Он хотел сказать что-то утешительное, но ничего не приходило на ум. Вместо слов он обнял её, почувствовав, как хрупким и уязвимым стало всё вокруг.

– Я рядом, – лишь сказал он.

Лиза тихо кивнула, но всё же не плакала. Она была слишком измучена, слишком уставшая от всего, что ей пришлось пережить. Вместо слёз, она просто прижалась к нему, зарывшись лицом в его плечо. Сандер оглянулся на продукты, которые принес. Они казались такими незначительными на фоне всего, что они пережили. Но хотя бы эта маленькая победа – немного еды, немного надежды – могла бы вернуть их к жизни.

Сандер затопил печь. Вода в колодце покрылась ледяной коркой. Набрав воды, он из привезенной крупы сварил кашу и накормил сестру. Лиза не могла есть быстро. Она жевала медленно, ощущая каждое зернышко на языке, каждый кусочек, который с трудом проходил в ее горле. Все было настолько ценным, что ей хотелось растянуть этот момент на всю жизнь. Накормив и отца, он ждал, что у того появятся силы и что он услышит его долгожданный голос. Но этого не происходило. Лиза, сидя у печки отогрелась и щеки её порозовели.

– Отец давно так лежит? – спросил он, пристроившись рядом с сестрой.

Лиза ответила, помотав головой.

– У вас оставалась лошадка, где она сейчас? – спросил Сандер, не увидев на дворе лошади.

– Мы похоронили ее далеко-далеко, – рассказывала Лиза.

– Как похоронили? – удивился Сандер смотря на лежащего отца.

– Когда ты ушел, фати находил немного еды, мы кушали зерна, оставалось немного муки, фати делал хлеб, – спокойно говорила она. А потом мы не могли найти ничего. Ни травы, ни корней. Три дня – мы ходили по полям, искали хоть что-то съестное.

Сандер не мог понять, как она могла говорить об этом так ровно, без лишних эмоций, как будто сама не ощущала всей тяжести того, о чём рассказывала.

– Потом мы решили. . . фати решил, что если мы не съедим нашу лошадку, то не выживем, – Лиза замолчала, как будто слова давались ей с трудом. – Фати просил меня не ходить за ним. А я все равно пошла и подглядела. Когда фати подошёл к лошадке он стал очень грустным. А лошадка стояла в тени, даже не двигалась. Глаза у неё были тусклые, полные страха, я видела, – рассказывала Лиза. – Фати смотрел на лошадку, а потом отвернулся, а потом снова подошел к лошадке и погладил ее по бокам. Он взял в руки нож, и я убежала. Фати вернулся в дом и сварил нам язык. Не получилось лошадку убить, фати не смог. А потом я видела, как он грустил и даже, кажется, плакал. «Лошадь наш единственный друг, единственная надежда, единственный спутник на этой опустошенной земле», так сказал фати.

– Получается, отец отрезал язык у лошади, а саму лошадь оставил? – недоумевал Сандер. Лиза кивнула головой.

– Фати не мог отнять жизнь у того, кто с ним прошел столько. А потом лошадка от голода заболела и умерла. Фати не хотел, чтобы её кто-то нашёл, и мы похоронили её.

Сандер чувствовал, как перед глазами всё размывается. Сколько страха, сколько боли скрыто в этих простых словах! Отец лежал на кровати, почти не двигаясь. Он был жив, но в его теле не было больше силы. Сандер понимал: отец уже не сможет принимать решения. Теперь в семье он за главного. Сандер молчал, не зная, как сказать только что обретшей брата сестре о том, что ему придется вернуться в город. Он сидел рядом с сестрой, ощущая, как в груди сдавливает что-то тяжелое, как будто его собственное тело протестовало против того, чтобы произнести эти слова. Он знал, что должен сказать, но не знал, как это сделать, как принести в ее мир новую боль, новую утрату.

– Мне нужно работать, Лиза. Нам нужно жить дальше. Я вернусь. Я обещаю. Ты большая уже. Ты должна понимать.

Лиза смотрела на него, и в её глазах была не столько просьба, сколько молчаливое понимание. Она не плакала. У нее не было слез. Это был тот момент, когда даже слезы теряли всякую ценность. Она просто кивнула, пытаясь найти в себе силы улыбнуться, но эта улыбка была не настоящей, скорее отражением какой-то старой и угасающей надежды.

– Я вернусь, слышишь? Мне нужно заработать еще денег. Еду мы спрячем, никто чужой не тронет, не бойся. Будешь доставать понемногу и готовить.

Больше он ничего не говорил. Лиза достала из кармана белый платок, на котором красными нитками был вышит шпрух¹⁸ из имен семьи по порядку: Andreas, Sofi, Sander, Amalia, Elizabet. Сандер бережно свернул платок и убрал во внутренний карман рубахи. А на утро отправился обратно в город.

Сандер вернулся в город с тяжелым сердцем, но и с большой надеждой. Хотя вокруг все больше приходило в упадок и настроения ходили угнетающие, он держался уже не ради себя, а ради сестры. Работая исправно, он получал похвалу и хорошее вознаграждение от Шестакова. Раз в месяц имея возможность уезжать ненадолго на хутор к семье. Люди на хуторе умирали от голода. Каждый спасался как мог. Набеги на дом Гедингеров совершались ни раз. Зная, что старик Андреас был зажиточным крестьянином в свое время, многие хуторяне были уверены, что у него-то найдется чем поживиться. Лиза из жалости и добродушия имела неосторожность

¹⁸ Шпрух (нем. Spruch — изречение) — жанр немецкой средневековой поэзии, короткое стихотворение назидательного свойства, написанное простым разговорным языком.

рассказать соседке, которая пришла на дым топящейся печи о том, что у них есть немного продуктов. К вечеру дом уже был ограблен, а Лиза с отцом опять остались без еды.

Слух о том, какой добросовестный в городе объявился сапожник дошел и до Нефедова. Сандеру не доводилось встречаться с тем, кто стал причиной всех его бед – с Нефедовым. Тем самым человеком, у которого развязаны руки, который, не останавливаясь ни перед чем, довел его родной хутор до голодной смерти. Тем временем Нефедов был доволен собой, был уверен, что все сделал правильно. Проучил так проучил старика. Однако теперь, когда Сандер работал в городе, Нефедов понял, что его план не завершен до конца. Он не знал Сандера лично, но хорошо помнил его отца – того старика, который еще до последнего вздыхал за свою землю, не поддаваясь и не уступая. В глазах Нефедова, «кулак» был не просто категорией, это был признак того, что человек мог выжить, мог сопротивляться, мог вернуть себе что-то, что ему не принадлежит по «новым законам». А этого Нефедов не мог допустить...

Сандер сидел на лавке в обувной мастерской, пропитанной запахом кожаных стелек и резкого, почти жгучего аромата сапожной смолы занимаясь своими привычными делами. Старым ножом он аккуратно подправлял подошву, и в этой работе было что-то утешительное.

– Ах тыж дитё собакино, обмануть меня удумал? – кричал хозяин мастерской.

Не успев ничего ответить, Сандер почувствовал, как его жестко схватили за плечо и потащили на улицу. В голове мелькали обрывки мыслей, но основная мысль была только одна: что это? Почему?

Нефедов, инсценировав ложный донос на Сандера с легкостью арестовал его, одномоментно лишив работы и свободы. Он вновь почувствовал этот прилив превосходства над стариком Андреасом. Он ликовал, упрятав за решетку сына своего врага. Состряпав с местным следователем дело, он продержал его до самой весны, а там, когда можно было пришить серьезную политическую статью, непременно воспользовался этим случаем и отправил Гедингер Сандера в лагерь на срок в десять лет по 58 статье как «сына кулака», хотя высшей мерой считался расстрел. Уже никогда не будет известно, пожалел он его или испугался брать на себя такой грех...

Зимой все было особенно тяжело. Лиза сидела у окна, прижимая ладони к холодному стеклу, вглядываясь в мир, который стал каким-то неправильным. Все было белым, пустым, будто сама жизнь замерла в этом зимнем сне. В комнате, воздух был болезненно-влажным, как гниющее дерево. Отец мог говорить, но уже почти не двигался, его дыхание было едва уловимо, его разум казалось уже не принадлежит этому миру. Его глаза, хоть и тусклые от болезни, все еще пытались увидеть тот свет в окне, который мог бы быть символом возвращения сына. Лиза не могла сказать ему, что этот свет, возможно, никогда не загорится. Она понимала, что отец скоро уйдет. И все, что она могла сделать, это продолжать сидеть рядом, просто быть рядом, не желая верить в то, что скоро останется совсем одна. Ее собственная вера таяла с каждым днем. Все, что она видела за окном, – это белое бездушное пространство, где каждый взгляд был пустым. Молча, с охваченной отчаянием душой, она проводила дни в ожидании, читая Библию, тихо молясь за маму, отца, брата, Еву и Андрея... Она помнила его, помнила, как он был добр. Но вскоре отец сделал один тяжелый, сдавленный вдох, и остановился. В комнате снова стало тихо. Тот момент, когда смерть пришла и забрала его с собой, прошел так, как проходят все события, которых не избежать.

Лиза не пошевелилась. В ее маленьком теле, почти лишенном жизни, не было ни боли, ни слез. Все, что она чувствовала, было словно бездонная пустота, в которой не было больше ни времени, ни пространства.

Она осталась одна.

Глава 6

Пост не был снят. Последний из охранников не желая мерзнуть от жгучих холодных степных ветров, без жалости посматривал в овраг. Никто не шевелился. Он сделал вид что отошел, а затем резко повернулся чтобы проверить действительно ли никто не шевелится. Все умерли. И эта мысль отозвалась в нем пустотой, что не оставляла места для сожалений. Взгляд его стал тяжелым, как камень. Он понял, что нет больше смысла здесь стоять. Но и команды покидать пост не было... словно неведомая сила тянула его к оврагу. Тот самый звук, который не принадлежал степному ветру, не был частью хрустящей тишины. Это был едва слышимый стон, такой слабый, что казался лишь игрой воображения. Но он был. Звук, не похожий на остальные, тянул его обратно. Охранник рванулся назад, как будто сам не веря в то, что делает. Там, среди трупов, тоньше всех, едва заметная на фоне темной земли и снега, лежала она, неслышимый стон которой доносился до его слуха, почти слившись с окружающим мраком. В ее теле едва оставалось силы, оно было иссушено до предела, кожа, как старая, потрескавшаяся бумага, плотно натянутая на костях. Каждое ее дыхание, столь хрупкое и прерывистое, казалось последним, но оно все же продолжалось, как неуловимая нить жизни, ускользающая от смерти. Ее глаза были закрыты, но не мертвы. Казалось, что она вот-вот исчезнет в этой тишине, растворится в холоде и пустоте, но ее дыхание не исчезало. Ева была жива. И это было чудо, от которого даже степь замолкла, прислушиваясь к этому едва уловимому дыханию.

Он понимал, что ее шансы выжить равны нулю. Звери сбегутся, как только он покинет пост. Он присел на край оврага, осторожно, почти небрежно, ткнул ружьем в Еву, проверяя, жива ли она. Он дернул ее за плечо, вытащил из темного края оврага и положил на землю. Или ему показалось, и она не живая? Ветер гудел так, что свистело в ушах, будто стремясь вырвать из сознания все лишнее, оставив лишь пустоту. Он смотрел на эти то ли живые то ли мертвые остатки от некогда прекрасного тела и не мог понять, зачем он это сделал...

Весна на Поволжье была еще прохладной, но по земле уже пробивалась молодая трава, и воздух пах влажной землей и талым снегом. Мужики помогли похоронить Андреаса в одну могилу с Софи, Лиза расплатилась с ними за помощь остатками еды. После похорон Андреаса, люди осмелели и отнесли на кладбище останки своих близких, которых боялись хоронить во время страшного голода. Председатель на хуторе объявился только по весне, минимально попытавшись закрыть вопрос с продовольствием. Еды не хватало. Жители, кто смог пережить эту голодную зиму, выстоять и остаться в живых готовы были на месте порешить невозмутимого председателя, но силы их были неравны. Они радовались куску хлеба, как величайшему чуду, словно это было нечто драгоценное, почти священное. Впервые собравшись вместе, они как звери смотрели друг на друга, высматривая кто выжил. Все, что у них осталось – это борьба за выживание, где моральные ценности уступали место инстинктам. Председатель, стоявший перед ними, казался чужим и бессердечным. Он не разделял их страха, не знал, что значит бороться за каждый день жизни. Его спокойствие раздражало, оно становилось почти издевательством.

...Ева была как живой скелет, превращенная в тень самой себя. Ее тело было покрыто слоем грязи, пыли и пота, словно вся эта тяжесть накапливалась в ее коже, которая была натянута и иссушена до предела. Лицо было едва различимо под толстым слоем черной грязи, корками высохших слез и запекшейся крови. Черты ее лица сливались с темными пятнами, а глаза, глубоко утонувшие в впалых орбитах, были безжизненными, потерявшими всякое выражение.

Ее волосы, спутанные в комки, висели клочьями. Они торчали в разные стороны, придавая ее образу зловещую неопрятность. Кожа головы была покрыта корками и язвами, следами долгих страданий и жертв, которые она перенесла в попытке выжить. Тонкие, как ветки деревьев руки с едва заметными мышцами были покрыты ссадинами и царапинами. Одному Богу известно, как она добралась до дома, только Богу, потому как сколько надо иметь сил чтобы вытерпеть все это и сколько нечеловеческой воли чтобы суметь вернуться...

Лиза почти не выходила из дома. Последний раз ее видели среди людей, когда председатель привозил пайку. Она скромно стояла в конце очереди, дожидаясь своего положенного куска. Мужчины брали хлеб и отходили в сторону, хоть хлеб и оставлял желать лучшего, но самые хитрые вставали в очередь по второму разу. Председателю это не понравилось и быстро свернув благотворительную кампанию Лиза осталась без своего куска. Мужики взбунтовались, выкрикивая из толпы недовольства. Председатель, конечно, вряд ли думал о том, чтобы дать девочке кусок хлеба. Он был занят тем, чтобы усмирить бунт. Его слова не помогали – мужики все громче кричали, и от негодования его лицо становилось все более красным. Но ни одна из спорящих сторон и не заметила, как Лиза в очередной раз спряталась в своем доме.

Председатель докладывал о каждой своей поездке на немецкий хутор Нефедову. Нефедов, узнав о кончине старика Андреаса, которую он так долго ждал и представлял, почему-то сейчас не был рад. Вроде как победил, а вроде, как и нет. Получается Андреас костями лег, но свое не отдал. Нефедов долго размышлял об этом... и в итоге засобирился на хутор сам. Он ожидал, что крестьяне упадут перед ним на колени, умоляя дать возможность работать на него, а то есть государство. Но не тут-то было. Увидев своими глазами то, что осталось от хутора, он труханул. И, кажется, до его сознания начало доходить, что он натворил своими руками. Осенью по плану нужно будет сдать урожай государству. А на этой земле не то, что урожай собирать, даже сеять некому. Скинув с себя шинель, чтобы не пугать народ, он бросил ее в телегу к извозчику и приказал председателю собрать хуторян, чтобы посмотреть, кто из рабочей силы остался.

– Не ахти, – выдохнул Нефедов, ожидая увидеть батраков, а вместо них вышли старухи да старики. Нефедов, увидев, как не особо то и слушаются люди своего нерадивого председателя, понял, что на землю надо ставить другого человека. Такого же хозяйственника, как и старик Андреас, только сговорчивого.

– Где остальные? – через плечо спросил он председателя.

– Так кто помер, а бабы... вы же сами, – начал председатель, но Нефедов жестко осадил его.

– Как в поле работать знаешь? – спросил Нефедов, бывшего сидельца, сделавшего из него председателя колхоза и своего научника.

Но председатель только и знал, как быть на побегушках у огпушника, сам решений он никаких не принимал. И Нефедов теперь точно понимал, что будущему колхозу нужен новый председатель...

Не теряя времени вернувшись с хутора Нефедов первым делом начал шерстить свои кадры. Глубоко он никогда не копал, брал людей самых доступных, лежащих на поверхности. Такими были бывшие заключенные и бывшие военные, последним он являлся сам. Уже утром у его кабинета толпились мужчины, которые по срочному приказанию были вызваны якобы для профилактической беседы, не работавшие или еще не вставшие на учет после службы и после освобождения из мест заключения. От кандидатов он прежде всего ждал цепкой железной хватки, и желания сотрудничать с ОГПУ, но ни в одном из девяти кандидатов он этого не углядел, пока в кабинет не вошел только что приехавший молодой серьезного вида мужчина.

– По-немецки говоришь? – было первым вопросом Нефедова, не отрывавшегося от своих бумаг.

Мужчина заговорил на чистом немецком диалекте. Нефедов от неожиданности оторвался от бумаг, зыркнул на мужчину, потом начал судорожно искать его личное дело и увидев немецкую фамилию приятно удивился.

– А по-русски где так научился? – продолжал Нефедов не скрывая интереса.

– На службе. Товарищ один обучил, – на чистом русском отвечал мужчина.

То, что нужно, – Нефедов усмехнулся, перевернув листы перед собой, и продолжил, внимательно глядя на собеседника:

– Полгода без работы значит? Что так?

– Дом ставил, жениться пора. С сестрами уже тесно жить, – отвечал он.

– И как, поставил дом? – продолжал допрашивать Нефедов, будто уже зная ответ на этот вопрос.

– Не успел, – отвечал мужчина, также понимая кто перед ним сейчас сидит. Перед ним сидела новая власть, которая перевернула жизнь не только его округа, он даже не догадывался о тех масштабах, которые поглотили страну.

– Будешь сотрудничать, не один дом поставишь. И каждой сестре по избе. Как?

– Поставлю, не сомневайтесь.

Нефедов обалдел от наглости и смелости мужчины, это ему даже немного нравилось.

– А колхоз возглавить? – выступил Нефедов с предложением.

Мужчина внимательно слушал.

– Недалеко от вас, – в очередной раз подглядев в документы мужчины его место проживания, – стоит хутор. Поля там добротные, нужно поднимать хозяйство. А местные не хотят. Но мы то с тобой понимаем, что стране нужен хлеб. А они супротив, – ткнув пальцем вверх, на висевший за ним портрет вождя, говорил Нефедов сверкая глазами.

Мужчина насторожился, услышав про хутор. Нефедов, видя это продолжал продавливать. Ему нужен был свой человек, который найдет общий язык с мужиками и заставит их работать.

– А..., начал мужчина, но Нефедов прервал его.

– Только в начале надо этот колхоз создать, а уже потом будет что возглавлять.

Мужчина крепко задумался.

– Хутор Старошвиндовка. Приступить можешь хоть завтра.

Нефедов был уверен в себе как никогда. Собрать людей в коллективное хозяйство больше не составит труда, упряма старика Андреаса больше нет, за ним никто не пойдет, слушать мужикам некого. Нефедов, снарядив мужчину хлебом, отправил его на агитацию к хуторянам. Для агитации он выделил трактор, новое решение в сельском хозяйстве. Сам не поехал, отчего то мужчина этот доверие в нем вызывал. Он предвкушал, что его решение в скором времени принесет свои плоды.

Мужчина подъехал к хутору и сразу узнал его, как будто был здесь вчера. У него здесь был свой интерес. Хуторяне выстроились за хлебом. Увидев вместо председателя незнакомого мужика, они, не стесняясь становились в очередь и по третьему разу, так как уверены были, что вряд ли он их запомнил. И Лиза, робко дожидаясь своей очереди вдруг насмелилась встать по второму разу. И не из-за того, что ее не запомнили, а нужда заставила. Старухам в очереди такая наглость девочки не понравилась, и они начали ее выталкивать из строя. Мужчина на тракторе не мог этого не заметить. Он дал спокойно уйти девочке домой, не вмешавшись в конфликт, а сам начал:

– Неужто не устали вы от голода? Неужто охота вам терпеть унижения эти? – на немецком заговорил мужчина.

Хуторяне слушали его, широко раскрыв глаза.

– Это же какое Богоугодное дело, превращать мертвую землю в плодородную! Только взгляните на эту машину. На ней в поле работать можно! – продолжал мужчина.

Мужики обвалились с жалобами на уверенно говорящего незнакомца. Как у них все отобрали, до последней крошки, до последнего зернышка. Мужчина слушал и понимал их, уговаривая начать все с начала и жить по законам нового времени...

Тут же, на месте образовался новый колхоз, получивший название Роза Люксембург. Хуторяне настолько поверили в надежду вновь зажить хорошо, что единогласно приняли решение, чтобы новообразовавшийся колхоз возглавил вселивший эту самую надежду в них незнакомец. Воодушевленные хуторяне разошлись по своим домам, а мужчина, собрав весь хлеб,

что у него оставался с раздачи направился к дому, к которому убежала девочка. Ворота были закрыты так, что никакая хитрость и ловкость не помогла мужчине их открыть. Обойдя вокруг дома, он негромко крикнул в открытую форточку: «Элизабэт... Элизабэт...» По дернувшейся желтой занавеске он понял, что его услышали. Несколько мгновений тишины, затем легкий шорох, и вот она появилась у ворот. Девочка подошла к воротам, и сквозь щель в заборе пытаясь разглядеть, кто ее позвал, тонким голосом и чуть дрожа спросила: «Вам кого?». И услышав голос Андрея, того самого Андрея, которого она держала в своем маленьком детском сердечке, она поспешила открыть сложный замок ворот. Она так обрадовалась, увидев его, но потом вдруг резко погрузилась. Это было так неожиданно, словно светлый момент вскользь коснулся чего-то глубокого и неведомого в ее душе.

Он увидел перед собой изможденного голодом ребенка и глазам своим не мог поверить, что из красивой, пышущей здоровьем девочки мог получиться исхудалый, со страдальческим отпечатком на лице человек. Он попытался пройти в дом, но она загородила собой проход. Андрей удивился ее поведению. Он поставил полный ящик хлеба перед ее ногами, у порога.

– Отец или мама дома? – смущаясь спросил он. – Это все вам, берите.

Лиза с опаской заглянула в ящик, а потом несколько раз бросила взгляд в сторону ворот.

– Фати нет, мути¹⁹ тоже... – тихо сказала она. – Мы живем теперь с Евой вдвоем.

Андрей не стал напрашиваться в гости, чтобы не напугать этим девочку.

– А родители? – все-таки спросил он.

Лиза так же тихо заплакала. Андрей молча присел рядом, не зная, как ее утешить, но понимая, что сейчас важнее всего просто быть рядом.

– Это не просто, – сказал Андрей, вглядываясь в ее лицо, где отражались боль и усталость. – Знаешь, терять родителя в младенчестве самое легкое, и в старости терять родителя не страшно, не так страшно, как посредине жизни...

Ева вернулась домой, Лиза смогла ее спасти, откармливая мучной болтанкой. Она размачивала хлеб в воде и маленькими порциями кормила Еву. Ева не рассказывала о подробностях, предпочитая забыть тот кошмар, который ей пришлось пережить. Единственное что она говорила, что с ней в овраге была ее старшая сестра, жившая в другом поселении, которая умерла на ее глазах. Она каждый день ждала своего Сандера. Лиза не знала, что с ним, но утешая Еву говорила, что он скоро придет...

Глава 7

Годы шли. Андрей руководил колхозом, колхозники убирали урожай зерновых, засыпали в закрома, вместе они давали отличные результаты. Были довольны все от Нефедова и государства в его лице до хуторян. И хутор разрастался, приезжали люди, появлялись новые семьи, рождались дети. Так и у Андрея с Лизой росли две дочери. Андрей, взяв под опеку девочку Лизу, дождался, когда она вырастет и они смогут обвенчаться. Пастор Эрик, вернувшийся на хутор возобновив служение благословил их. Семья Андрея была категорически против этого брака, ни мать, ни сестры не смогли смириться с тем, что его жена лютеранка. Но Андрея это мало волновало. Он в первую очередь Советский человек, да и Лиза в свои юные годы понимала, что важнее всего любовь, а Бог их за это обязательно простит.

Нефедов совсем отстранил от себя бывшего председателя, дав ему менее «хлебную» должность, а позже и совсем устранил от дел. Андрей понимал, с кем имеет дело. За годы жизни и работы на хуторе, он узнал историю про старика Андреаса, что именно Нефедов довел хутор до голодной смерти. Когда он пытался затронуть при Нефедове эту тему, тот отшучивался своей излюбленной фразой «Преодоление последствий старого порядка».

¹⁹ Mutter – muti (нем.) – мама.

После выполнения плана сдачи зерна государству, Андрей засобирався к себе на хутор погостить, познакомиться свою жену и дочерей с матерью. Пора было положить конец вражде, он был уверен, что увидя его маленьких Лидочку и Ирму, мать простит его и все будет как прежде. Перед отъездом он наказал своему заместителю и членам правления, сверх плана ничего не сдавать т. к. зерна осталось только для выдачи нормы колхозникам и на посевной материал, а иначе «голодать будем». С тем и уехал. Однако, через короткое время приехал из района уполномоченный и настоятельно потребовал, все имеющееся на складах зерно сдать в хлебозаготовку. Ну что было делать бедному заместителю и колхозникам, ведь уполномоченный не зря носил наган у пояса, и к тому же он представлял собой Советскую власть и, хотя они знали, что без полученной нормы будут голодать, а без семян весной не посеешь начали возить зерно на ссыпной пункт, который находился на железнодорожной станции Арчада. Об этом прознал и бывший председатель. В один из дней он, подкараулив встретил по дороге обоз с зерном. Один из колхозников, узнал бывшего председателя, поэтому смело остановился. Бывший председатель втерся в доверие к мужикам, убедив их, что нельзя отдавать последнее, не хотят же они повторить тот страшный голод. Мужики, послушав его, повернули подводы обратно, но так как до Старошвиндовки было засветло уже не добраться, да и лошади устали, председатель подсказал им переночевать на его хуторе. О том, что обоз не прибыл на станцию было доложено районному руководству и поздно вечером на хутор прибыл уполномоченный. И всю ночь он и бывший председатель сидели друг против друга спорили, ругались, матерились, стуча рукояткой нагана. Бывший председатель делал вид, что всей душой радуется за колхоз, а утром вдруг поменял свою позицию настояв на сдаче зерна. После того, как все имеющееся зерно было сдано государству, бывший председатель посоветовал заместителю уволиться и уехать, иначе весной посадят. Заместитель удивился: «за что нас сажать, ведь нас уполномоченный из района заставил все зерно сдать». «Посмотришь-посадят». Дождавшись, когда Андрей вернется в Старошвиндовку, он тут же уволился, бросил дом и уехал с хутора. Андрей отпустил своего заместителя, думая, что тот просто чувствует свою вину, в том, что послушался его наказа и отдал зерно, продолжая спокойно жить.

История повторялась.

– Ты кто такой будешь, это дом моего отца, – крикнул недовольный мужчина, в спину курящего возле ворот Андрея.

Андрей молча оглянулся, затянувшись сигаретой.

– Ты Сандер? – спросил Андрей, разглядев в нем черты лица жены.

– А вы? – напрягшись спросил Сандер.

– Муж Элизабет, Андрей, – протянув руку для знакомства сказал Андрей. Достал из кармана кисет и предложил папиросу.

Сандер радостно выдохнул, поняв, что его сестра замужем, что у нее теперь своя семья. Он так боялся, что за десять лет пока его не было с ней могло случиться все что угодно.

– Проходите, – сказал Андрей, приглашая его в дом.

Сандер очень хотел увидеть сестру, но побоялся нарушить ее покой и новую жизнь. Простит ли она его за долгое отсутствие, как примет? Да и видел, какая у нее надежная защита. Этим он и остался доволен.

– Послушайте, как найти председателя вашего? – спросил Сандер.

– А что такое?

– Надо предупредить его.

Андрей внимательно слушал. Сандер услышал, как открылась дверь и на улицу выбежала Лиза зовя его. Он испугался, что сейчас она увидит его спустя столько времени и прежде, чем скрыться за домом только успел сказать: «Сегодня за ним придут, пусть бежит».

Андрей на протяжении дня не находил себе места. Но, почему он должен бежать, если за ним нет никакой вины? Не решившись рассказать жене о случившемся утром, он без конца прокручивал в голове слова брата...

На первой странице сверху наискось написано «Предъявить обвинение Миллер А., ознакомить его с окончанием обвинения, после чего дело поставить на тройку. Подпись.

Андрей, сидя перед Нефедовым рассматривал врученный ему документ. Засланный следователь все обвинение строил на том, что Миллер высказывал опасение, что будем голодать. Хотеть жить: это ведь естественно и понятно, а чтобы жить надо кушать и не только самому, но и детей кормить. Ведь забота о потомстве – святая обязанность родителей, но они даже не могли потребовать положенного им за работу в колхозе. А органы в высказывании «голодные будем» уже видели антисоветскую агитацию. По их мнению, людям надо было молча умирать с голоду, как оно и случилось. А ежели высказываешь опасение, то ты уже вроде как недоволен советской властью и можешь запросто попасть в разряд антисоветчиков, а с такими, как известно разговор короткий. Статья 58 пункты 7,10,14. Своеобразное обвинение: «При убытии в отпуск взял с собой воз зерна», следователь только не объяснил, каким образом он вез этот воз зерна, он, что его к чемодану прицепил? Нафантазировать, что он увез с собой воз зерна ума хватило, а вот объяснить, как Андрей это сделал, куций ум следователя был слаб. Умные то в этих органах не работали.

Нефедов смотрел на Андрея с сожалением и сочувствием. На мгновение что-то человеческое промелькнуло в его глазах. Но, он ничего не мог поделать. Свои же на Нефедова косо смотрели, развел мол под носом деятельность, на самотек пустил...

Итак, в деле появились новые выражения, «кулак», «контрреволюционер», «саботажник», «антисоветчик» и этого уже было достаточно, чтобы передать дело на Тройку ПП ОГПУ для внесудебного рассмотрения, а тех мало интересовало, виноват обвиняемый или нет, для них важно было выполнение лимита. Ведь известно, что Кремлевские правители доводили лимит на расстрелы и большие сроки заключения в тюрьмы до республик, те в свою очередь до областей, далее по районам и последние по сельским Советам, а так как в Нижнем Поволжье в любом районе были поселки с немецким населением, то план выполнялся и перевыполнялся в основном за их счет. Не свои ведь.

На ОГПУ в то время было возложено строительство Беломоро-Балтийского канала, и чтобы его быстро и дешево построить понадобилась бесплатная рабочая сила, вот поэтому по стране прокатилась волна арестов особенно в сельской местности, так называемых кулаков и подкулачников. Вот они-то и были основным контингентом на строительстве канала.

Внесудебное заседание Тройки происходило без обвиняемых, заочно, так называемые судьи не сочли нужным допросить обвиняемых по существу дела, не хотели себя обременять долгим разбирательством, да и в глаза жертвам не хотелось смотреть, а то вдруг слабину дашь. Без них спокойнее, и легче их по всей строгости и на всю катушку осудить. Судьба обвиняемых их мало интересовала, важно план выполнить.

Заседание тройки постановило: расстрелять председателя и трех членов колхоза с конфискацией имущества. Остальным по десять лет лагерей. Далее: признать их жен врагами народа. Вопрос виновен или не виновен абсолютно никакой роли не играл. Те, кто приговорили этих людей к смертной казни и в концлагерь прекрасно знали, что на них нет никакой вины. Но указания сверху не обсуждаются, а выполняются, и чем больше «врагов народа» ты уничтожишь, тем быстрее продвнешься по служебной лестнице, да и награды не заставят себя ждать.

Нефедов сам не будучи святым, но от решения Тройки пришел в ужас. Он считал не справедливым такое решение по отношению к Андрею. Человек честно работал, выполнял план, и его же расстрелять? Другое дело, когда против власти, но здесь не так как со стариком Андре-

асом. Он понял, что власть перегибает. Больше нет той идеи, за которую он так неистово боролся.

Поздней ночью по коридору раздался топот множества ног, разбудивших Андрея. Затем послышался шум выводимых из соседней камеры узников. Во дворе их посадили на подводы и увезли в неизвестном направлении. В эту ночь он уже не мог уснуть, а к утру через окно камеры он видел возвратившиеся подводы с конвоем, но уже без арестованных. Позже Нефедов, участвовавший в экзекуции, рассказал ему, как все происходило:

– Когда арестованных вывели во двор им было сказано, что завтра утром будут расстреливать преступников и вам необходимо выкопать яму. Доехав до намеченного места, очертили размер ямы и приказали копать, после завершения работы конвоиры их связали, поставили спиной к яме и зачитали им постановление Тройки. После оглашения приговора их тут же расстреляли.

– А я? А меня? – сухими и потрескавшимися губами в страхе прошептал Андрей.

– Тебя теперь нет. Все что смог, – протягивая Андрею его документ.

Андрей недоуменно смотрел на следователя.

– А.., – только открыв рот, пытаясь узнать о жене, как следователь тут же его перебил.

– Извиняй, жена и дети твои отныне враги народа... Зато ты жив. Поедешь в лагерь.

Андрей не понимал, кого-то расстреляли вместо него, жену и детей он теперь вряд ли когда-нибудь сможет увидеть, жить вот так на земле и мучаться не от работ каторжных, а от неизвестности за семью?

После ареста мужа в дом Елизаветы пришли: председатель Сельсовета с представителями группы бедноты и при поддержке служащих ОГПУ. Ее вместе с детьми выгнали из дома, предварительно конфисковав все имущество вплоть до продуктов питания, оставив только в кадушке немного квашенной капусты. Она и этому была рада, но недолго радовалась, вскоре пришел самый ретивый из активистов с двумя пустыми ведрами и выгреб остатки капусты. Елизавету как жену «врага народа» отправили в трудовую армию на лесозаготовки в Краснодарский край. Девочкам пришлось поселиться в заброшенном сарае за хутором, работу им не давали и соответственно не было ни денег, ни продуктов. Про отца не было никаких вестей. Как забрали его посреди ночи, так и не видел его больше никто.

Так заканчивался тот день, та жизнь... и начиналась новая, неизвестная.

Часть 2

Глава 1

Все произошло быстро и ни для кого неожиданно, как ураган, несущий в себе лишь разрушение. Днем они еще жили своей обычной жизнью: работали на полях, общались с соседями, готовили обед и вдыхали знакомый, родной воздух Поволжья. А ночью, когда лишь тусклый свет луны освещал их тихие улицы, все изменилось. Их привычный мир рухнул. У немцев были всего сутки, чтобы подготовиться к переселению...

28 августа 1941 года²⁰ стал точкой отсчета для тысяч людей, чьи дома и судьбы оказались беспощадно вычеркнуты из карты этой земли. Их привычная жизнь исчезла, как тень, растворяющаяся на фоне светящегося горизонта, и вместо нее встал новый, жестокий порядок, где для целого народа не было ни места, ни истории. Немцы, поколениями жившие в этих местах, внезапно оказались изгнанниками на собственной земле. Люди еще от голода не отошли как следует, а их уже поджидало новое испытание.

²⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28.08.1941 года была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья и произведена тотальная депортация немцев из АССР.

На подводах, скрипящих под тяжестью отчаяния, их привезли к берегу Каспийского моря, где мрак воды и небо сливались в одно бескрайнее пространство. Людей выгрузили на баржу, и вскоре мощный буксир, не торопясь, начал тянуть ее в сторону далекого Казахстанского берега. Вода слегка колыбалась, отражая тусклый свет. Каждое движение баржи, каждый порыв ветра казались прощанием с этим миром, с родными землями. Время тянулось бесконечно, пока, наконец, буксир не отцепил баржу и не исчез за горизонтом, оставив ее одинокой, дрейфующей в пустоте.

Прошло несколько дней, а может, и недель – время потеряло счет, и дни с ночами слились в одно нескончаемое ожидание. Людей охватил немой страх. Они не понимали, что происходит, и что их ожидает. Все вокруг казалось чуждым и неясным, а будущее расплывалось в тумане, оставляя лишь беспомощное ожидание. Люди оставались в этом безвременье, истощенные и подавленные, как тени, поглощенные собственным страхом и усталостью. Наконец появился буксир и потащил судно дальше. Когда они, наконец, ступили на землю, это не стало ни избавлением, ни надеждой на лучшее. Почва под ногами была такой же холодной и чуждой, как все, что их окружало. Людей без всякого сострадания перегрузили в товарные вагоны, словно они были не людьми, а вещами. Поезд двигался медленно, с каждым километром забирая у людей остатки силы, постепенно вытягивая из них последние капли жизни. Каждый момент был пыткой, каждый час – мучением. Кто-то тихо молился. Кто-то стонал. Переполненные вагоны, отсутствие гигиены, скотские, нечеловеческие условия, к которым добавился недостаток питья и еды. Люди, ослабленные от мытарств, начинали болеть, в первую очередь дети и старики и как следствие – смерть, не добравшись до места ссылки.

Ирма была Лидочку по щекам, дергала за волосы, пытаясь не дать ей уснуть... Лидочка неустанно плакала, зовя мать. В этом вагоне из детей были только они. Люди, измученные тяжелой обстановкой зло и с осуждением смотрели на рыдающую девочку. Сколько шустрые девчонки не прятались, им не удалось скрыться от бездушных НКВДшников. С хутора забрали каждого, до последнего немца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.